

Юридическое мышление: право в методологической перспективе

Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, по-своему уникальна даже и в наше время относительной свободы взглядов. Так уж у нас сложилось, что юридическое сообщество, обладая старой доброй "цеховой" традицией и здоровым консерватизмом, с опаской поглядывает на "непосвященных", берущихся рассуждать на юридические темы. Даже и в междисциплинарных областях, таких как юридическая психология, философия или социология права, где, казалось бы, правоведы должны делить влияние и ответственность со "смежниками", тон, как правило, задают именно представители юридической мысли. Конечно, проще всего сей прискорбный факт отсутствия научной коммуникации и кооперации (вот уж который год личным примером усердно опровергаемый авторами данного предисловия) списать или на «козни» юристов, охраняющих свои "корпоративные" владения, или на неспособность представителей соседних "ведомств" сказать что-то дельное.

Но не все, что кажется легко объяснимым, оказывается таковым при более пристальном рассмотрении. Яркий тому пример - анализ хода судебно-правовой реформы - тема, весьма созвучная книге В.М.Розина. Вот уже более десятилетия на просторах теперь уже бывшего СССР происходит изменение общественного строя. Одной из важнейших проблем данного изменения признается преодоление тоталитаризма и построение правового государства, существенным элементом которого выступает независимая судебная власть. И кто бы из ученых ни занимался данной тематикой: социологи, политологи или представители юридических дисциплин - государствоведы и процессуалисты - все сходятся в том, что одно из фундаментальных препятствий, отодвигающих решение проблемы в неопределенное будущее - это наша собственная *правовая культура*, для которой повсеместно характерен правовой (юридический) нигилизм. "Простые" объяснения - вроде того, что во всем виноваты большевики, - не проходят уже по той простой причине, что данная проблема ставилась и обсуждалась еще до 1917 г. Да и русский марксизм, как показали Н.Бердяев и ряд других мыслителей, возник не на пустом месте, а на культурной почве, подготовленной всем предшествующим развитием страны. То есть вопрос смещается в русло *философии* права (или, может быть, *культурологии* права - хотя такой дисциплины пока нет): как соотносятся российская культурная традиция и Идея права, "русская душа" и "юридические начала"?

Однако за последние годы заметное слово в столь актуальной ныне, казалось бы, философии права сказали только правоведы (В.С.Нерсисянц, С.С.Алексеев и другие). Работы же, посвященные проблематике правовой культуры, и вовсе наперечет. На этом фоне интерес к философско-методологическим проблемам права профессора философии В.М.Розина -исследователя, заслужившего себе имя также и в целом ряде других дисциплин (истории и методологии науки, семиотике, культурологии, психологии, педагогике и т.д.) - явление, которое могут поприветствовать не только ученые-правоведы, приобретающие себе коллегу с собственным интересным подходом и точкой зрения, но и юристы-практики, получающие "взгляд со стороны" на один из самых "интимных" аспектов своей профессии - юридическое мышление

Вадим Маркович Розин родился в достопамятном 1937 году. И весьма символично, что его студенческая молодость приходится на первую волну попыток преодолеть то, с чем 1937 год в нашей коллективной памяти теперь более всего ассоциируется: массовые репрессии и запрет на свободную мысль. Естественная для студента Московского педагогического института имени В.П.Потемкина Вадима Розина жажда интеллектуального самовыражения приводит его в *Московский методологический кружок (ММК)*.

Организаторами Кружка, возникшего на рубеже 40-50-х годов на том же философском факультете МГУ и называвшегося вначале логическим (логика в то время была единственной разрешенной отдушиной для мысли), были тоже весьма молодые в то время Б.А.Грушин, А.А.Зиновьев, М.К.Мамардашвили и Г.П.Щедровицкий - будущий учитель В.М.Розина. Своей философской программой они провозгласили построение "содержательно-генетической логики", которая ставилась в оппозицию как классической традиции формальной логики, так и культивировавшейся советскими марксистами логике диалектической. Первую участники ММК не жаловали за *формализм и нормативизм* (отсюда термин "содержательная" - в пику "формальной"), вторая была неприемлема по причине своего ненаучного (в узком смысле слова) *спекулятивного* характера.

Первая программа ММК была призвана *вернуть логике статус науки о мышлении*, которую она, по мнению авторов, в обоих противостоящих подходах давно потеряла. При этом "наука о мышлении" мыслилась, во-первых, как "точная" (то есть строящая модели и идеальные объекты - как физика), а не спекулятивная (подобно пресловутой диалектической логике), и, во-вторых, "эмпирическая" (то есть основанная на исследовании конкретного материала), а не нормативная (лишь предписывающая, как строить непротиворечивые рассуждения безотносительно к материалу - подобно логике формальной).

Материалом для эмпирического исследования мышления стали *тексты* (преимущественно научные и философские), которые рассматривались как "проявления" мышления в речи-языке - соответственно, базовый для новой логики объект исследования получил название "языкового мышления"^[1]. Образцом исследовательской работы для участников Кружка на первых порах стала кандидатская диссертация А.А.Зиновьева, посвященная методу восхождения от абстрактного к конкретному в "Капитале" К.Маркса. Однако уже в дискуссиях, посвященных конкретизации исходных идей программы, Г.П.Щедровицкий резко разошелся с А.А.Зиновьевым. Своим путем пошли М.К.Мамардашвили, а затем и Б.А.Грушин. Злые критики возражали, что никакой содержательной логики не бывает, так как любое содержание имеет форму. Еще говорили, что кружковцы взялись за невозможное, пытаясь "соединить гегелевскую диалектику с кибернетическими схемами". Споры шли вплоть до полного взаимного отрицания (что вполне соответствовало юношескому духу того времени), однако в них родилось нечто гораздо более существенное - собственно "*Кружок*" как *специфическая форма интеллектуальной жизни и коммуникации* в рамках традиции мысли, позже названной *методологической*. Прежде всего речь идет о *методологических семинарах* Кружка, бессменным руководителем которых более 40 лет был Г.П.Щедровицкий. Но, кроме личности руководителя, не менее важно и то, что семинары превратились в подлинную реализацию "языкового мышления" в его *коллективной* форме - а потому легче поддающейся рефлексивному осмыслению.

Но то, что хорошо поддается рефлексивному анализу, может целенаправленно совершенствоваться, а при необходимости и видоизменяться под другие задачи. Вот и семинары постепенно из формы внутренних дискуссий, ведущихся в ходе философско-методологического исследования, становятся также и формой постановки и обсуждения *междисциплинарных проблем*. А выйдя за пределы круга философов ("методологов") и ученых к решению *комплексных народнохозяйственных и социальных проблем* смешанными коллективами методологов, ученых и практиков, методологические семинары породили качественно новую форму "организации и развития коллективной мыследеятельности" - *организационно-деятельностную игру (ОДИ)*, изобретенную Г.П.Щедровицким в 1979 году[2].

В 80-е годы (и особенно с началом перестройки) проведение ОДИ превратилось в целое интеллектуально-общественное движение, направленное на поиск подходов к осуществлению масштабных изменений в различных сферах жизни страны: экономике, образовании, управлении и планировании. Появились даже специалисты, профессионально занимающиеся проведением ОДИ - *игротехники*. Ярким примером инновационного использования ОДИ может служить проведенный в январе 1987 года первый всесоюзный конкурс на замещение должности и последующие выборы директора автозавода РАФ, организованные методологической группой как эксперимент в области введения «промышленной демократии»[3]. Прецедент был поддержан высшим руководством КПСС и превратился в образец для подражания: по стране прокатилась волна конкурсов и выборов (правда, к сожалению, количество тогда пошло в ущерб качеству: при тиражировании опыта методологии уделялось уже мало внимания).

В том же году, благодаря инициативе нескольких молодых сотрудников Института государства и права Академии наук СССР, *игровое движение затронуло и сферу права*: в марте 1987 года в Юрмале в рамках V Всесоюзной школы молодых юристов проводится ОДИ по теме «Методология организации прикладных комплексных исследований и разработок в области права». Руководителем игры был С.В.Попов, методологом-консультантом - П.Г.Щедровицкий (сын Г.П.Щедровицкого). Для носителей игрового метода - игротехников и методологов - по их собственному признанию, «сфера права была... новой (хотя знали и читали о ней довольно много). Поэтому первая задача, поставленная перед игрой, состояла в анализе ситуации в сфере права в стране и выделении проблем дальнейшего исследования и разработки в методологическом ключе...

Весь ход игры - поиск проблемных областей, в которых юридическое знание не обладает однозначностью, где на поверхность выходят реалии жизни, которые правовое мышление еще должно освоить. И оказалось, что *основная проблема - в организации мышления самих юристов*. Даже если не брать трагическую историю юриспруденции в СССР после Октябрьской революции и изгнание из ее практики и теории самой идеи права (за счет попыток превратить правосудие в орудие борьбы одного из классов), остается вопрос - в какой мере и как возможно становление правовой структуры общества в Советском Союзе, как должна быть устроена юриспруденция, чтобы это осуществить?

Призраком ответов, блуждающий в дискуссиях игры, довольно жестко указывает на то, что современное состояние юридического мышления, привыкшего обосновывать, толковать и исполнять указы, лежащие вне всякой идеи права, вряд ли позволит это сделать... Отсюда напрашивается *единственный вывод - необходимо коренное переосмысление основных категорий и понятий права и юриспруденции*. Такое понимание проблемы вынудило группу юристов и методологов провести следующую школу «Проблемы понятия права» в 1989 г. в Свердловске, предвидятся и следующие школы. Их *главная задача* -

формирование мышления, способного осмыслить и правовым образом оформить процессы, происходящие в стране»[\[4\]](#).

Это было написано в июне 1990 года. А в сентябре того же года под Душанбе состоялась III Всесоюзная школа по методологии права. Параллельно развивалась и другая линия сотрудничества методологов и юристов: *методологически организованные общественные экспертизы*. Если на школах по методологии права юридические проблемы анализировались с применением инструментария методологии и игротехники, то экспертиза была в определенном смысле развитием методологической технологии ОДИ за счет традиционно юридического инструментария: правовой процессуальной формы[\[5\]](#).

2

Но вернемся к содержанию первой программы ММК, которую, помимо указанных выше черт, можно еще характеризовать как *семиотическую*. Исследуя мышление через его проявление в текстах, методологи ввели представление о *знаковом замещении*: данное отношение (и обратное ему отношение *отнесения*) связывает *знаковую форму и объективное содержание*, представляющие собой две "плоскости" относительно независимого "разворачивания" процессов мышления[\[6\]](#). В таком двухплоскостном (пространственном) представлении мышления - принципиальное отличие программных установок ММК как от формальной логики (которая "видит" содержание только "сквозь" форму), так и от логики диалектической (которая в лучшем случае поступает "наоборот", то есть рассматривает разворачивание форм мышления как "самодвижение содержания")[\[7\]](#).

"Исследовать мышление" какого-либо автора (Маркса или, скажем, Аристарха Самосского - впрочем, имя несущественно, важно лишь, какие процессы мышления реализуются на данном субъекте) с точки зрения первой программы ММК - значит, опираясь на текст как эмпирический материал, *реконструировать* процессы мышления, следом (результатом) которых является данный текст. Получается, что исследование мышления – это в буквальном смысле его *ис-следование*, т.е. *реконструкция (восстановление) мышления по его следам*[\[8\]](#). Результат подобной работы представляется в *схемах* типа описанной выше конструкции двухплоскостного замещения или более сложных: многоплоскостного замещения; схем с выделением разных типов знаков и отношений означения и т.п. *Процессы* мышления вначале представляются рядом (последовательностью) структурных схем, а затем этот ряд представляется как последовательность «вытекающих» одно из другого состояний, то есть «последующие» схемы нужно «вывести» из «предыдущих». Отсюда вторая часть названия новой логики - *содержательно-генетическая*: реконструированный процесс мышления представляет собой генетический вывод одних схем из других. А поскольку из марксистской и гегелевской диалектики методологи позаимствовали идею *исторического развития*, то объективным содержанием, стоящим за генетическим выводом, было объявлено историческое развитие мышления[\[9\]](#).

Вначале теоретической целью всех "исторических реконструкций" процессов (развития) мышления было построение "алфавита операций", то есть получение относительно компактной системы "единиц" и правил вывода, напоминающей систему языка. Однако на рубеже 60-х годов произошла "смена парадигмы": появилось представление *мышления как деятельности*. В каком-то смысле это был (на новом уровне) возврат к принципу нормативности мышления, однако это нормативность уже не формальных правил, а *деятельности, воспроизводящейся по образцам*, хранящимся и передаваемым ("транслируемым") в пространстве культуры[\[10\]](#).

В.М.Розин, которому от Учителя "досталось" исследование формирования знаковых средств геометрии, внутренне так и не принял идею Деятельности как онтологическую. Исследуя, как решали математические задачи в Древнем Вавилоне, он назовет подобное "мышление-как-деятельность", воспроизводящееся по образцам (схемам) практической деятельности, *семиотическим производством* (см. стр. 87 данной книги). Производимые с помощью техники подобного производства восстановление границ и вычисления размеров полей разительно отличаются от построений и вычислений, описанных в "Началах" Евклида, где *все рассуждения подчинены правилам оперирования с идеальными объектами науки* - евклидовой геометрии. Именно этот случай В.М.Розин и считает *собственно мышлением* - в отличие от семиотического производства и мышления-как-деятельности (с.90).

В.М.Розин останется верен духу (не букве) первой программы ММК[11] - духу *исследования мышления*. Много позже, в 1996 году, он назовет написанную им "Четвертую методологическую программу" Программой исследования мышления[12] и напишет (эта мысль повторяется в данной книге на с.66), что уже "в первой методологической программе, целью которой, как заявлялось неоднократно, является изучение мышления,... *мышление как объект изучения исчезло* и все попытки Г.П.Щедровицкого, продолжавшиеся вплоть до его смерти, вернуться к изучению мышления были тщетны. Таким образом, можно сформулировать... парадокс: объявив мышление основным объектом изучения и реально начав его исследовать, методологи соскользнули к изучению других объектов - знаков, деятельности,мыследеятельности".

Одну из причин подобного парадокса автор видит в том, что методологическое исследование (в особенности таких феноменов, как мышление) по своему характеру приближается к *гуманитарному*, в то время как в 60-е годы методологи были целиком ориентированы на *естественнонаучный* идеал знания. Во всяком случае, в понимании характера использования результатов своих исследований они были близки к бэконовскому идеалу «покорения природы», который можно сформулировать как инженерное преобразование объекта на основе знания естественных законов его жизни. В марксистском варианте данного идеала, как он выражен в «Тезисах о Фейербахе», требовалось рассматривать «объект» не созерцательно, а с точки зрения его *возможного преобразования и развития*, то есть «как чувственно-практическую деятельность». Но все равно в марксизме сохраняется требование объективизма естественнонаучного типа, то есть отыскания «объективных» законов существования изучаемого явления (для Маркса это законы развития, понимаемого как естественноисторический процесс).

Установка на отыскание общих законов требует предположения о «единстве природы» изучаемых объектов – иными словами, *единой онтологии* как основания исследований. Для ММК образца 60-х годов эту функцию выполняла «общая теория деятельности», которую Г.П.Щедровицкий провозгласил даже «последним основанием всякой методологии»[13]. В.М.Розин, неудовлетворенный ущербным характером представлений о мышлении-как-деятельности, решает «поднять руку на Учителя» и ищет свой собственный ответ на онтологический вопрос. Вот как он это описывает:

"В плане онтологических представлений в конце 60-х годов я понял, что невозможно все основывать на деятельности, как это утверждал Г.Щедровицкий. Необходимо признать (положить) сразу три начала - Деятельность (и мышление), как деиндивидуальные - исторические образования, Культуру и Личность (индивида, субъекта). При этом эти три начала, с одной стороны, автономны и, так сказать несоизмеримы в познавательном отношении, с другой - выступают друг относительно друга как условия или контекст. Действительно, деятельность есть одно из условий культуры, а культура выступает как

условие или контекст деятельности и мышления; личность хотя и выходит из культуры и живет в ней, но часто действует в ее контексте независимо от культуры. "Перпендикулярно" к этим трем началам располагается История (фактически это четвертое начало)" (с.79-80).

В столь ясной форме позиция автора была сформулирована далеко не сразу. Этому предшествовало осмысление многолетнего опыта конкретных – гуманитарных по духу – исследований мышления. Семиотическое изучение формирования знаковых средств математики[14] В.М.Розин дополняет методологическим анализом структуры античной науки и культурологическим осмыслением предпосылок ее формирования. С позиций культурно-исторического анализа ему удастся получить целостную картину трансформации научного мышления античности в естественные науки Нового времени, описать становление технических и гуманитарных наук, проследив различия в характере мышления и знания, но также и выделив общее ядро научного мышления[15].

По мере продвижения работы по изучению мышления выкристаллизовывается не только онтологическая позиция, но и отвечающий ей *собственный метод автора – оригинальный сплав деятельностного подхода, развитого в ММК, с культурологическим (культурно-семиотическим) и психологическим*. Понимание того, что изучение мышления не может ограничиться анализом его надличностных аспектов, приходит к В.М.Розину по мере погружения в исследование мышления эзотериков – людей, способных не просто создать собственные представления о реальности, но и согласовать их со своим восприятием внешнего мира. То, что эзотерики – не сумасшедшие и не солипсисты – для В.М.Розина не выдумка, а эмпирический факт, подлежащий рациональному объяснению[16], которое он и дает на основе своей *теории «психологических реальностей»* (см. Приложение 1 в данной книге). Эта теория и становится третьим (психологическим) краеугольным камнем метода автора, с которым он и приступает к анализу юридического мышления.

Можно заметить, что составляющие авторского метода находятся в соответствии с теми тремя началами, которые он выделяет как исходные: Деятельностью, Культурой и Личностью. Что же до Истории, которая, по мнению В.М.Розина, располагается "перпендикулярно" к этим трем началам, методологически это выражается в том, что каждое явление автор рассматривает в его генезисе, в историческом развертывании. Возможно, было бы даже правильное сказать, что не столько компоненты метода соответствуют онтологической позиции автора, сколько она сама есть лишь оформление и результат методологических поисков автора, вынужденного возражать своему Учителю в ключевом философском вопросе: «Что существует?»

3

Монография В.М.Розина - не только итог нескольких лет исследований автора, посвященных юридическому мышлению, но и результат его *осмысления опыта судебной реформы в России*. Поэтому уделим немного внимания описанию той практической работы по научно-методологическому обеспечению реформы, которая послужила важным контекстом исследований автора[17]. Ведь В.М.Розин был не сторонним наблюдателем реформы, а участником ряда научно-практических проектов, часть которых осуществлялись в форме особых публичных акций - ОДИ, - об этой своеобразной технологии организации коллективного мышления и деятельности по решению комплексных проблем уже упоминалось выше в связи с историей ММК. Как отмечает один из главных идеологов и практиков российской судебной реформы в 1991-95 гг. С.А.Пашин (в то время - начальник отдела судебной реформы и судопроизводства Государственно-правового управления Президента РФ), "к этому времени ОДИ

зарекомендовала себя как достаточно эффективная форма организации коллективной работы в проблемной ситуации, вынуждающей перестраивать сложившиеся формы деятельности, как метод проблематизации профессионального сознания и условие развития ее участников... "[18].

Первая в истории новой России ОДИ по правовой проблематике была проведена в апреле 1993 г. под Москвой по теме "Судебная власть в России: перспективы и пути становления" (руководитель игры – Л.М. Карнозова). Основной состав участников - судьи, прокуроры, адвокаты из регионов, где предстояло *ввести суд присяжных*, должностные лица правоохранительных органов, члены Верховного Суда РФ, ученые (общее количество участников - 120 человек). "Важнейший вывод первой игры, - пишет С.А.Пашин, - состоял в том, что судебная реформа диктует новые требования к юридическому профессионализму... Проблемы, обсуждавшиеся на первой игре, фактически указывали на пробелы в корпусе теоретических представлений юридической науки, а следовательно, в содержании юридического образования... Поэтому вторая игра была целенаправленно посвящена этой проблематике" [19].

Вторая ОДИ - по теме "Судебная реформа и юридический профессионализм (введение в современную юриспруденцию)" - прошла в ноябре 1993 г. Основной состав участников - преподаватели юридических вузов из разных регионов России и другие ученые-правоведы (общее количество участников - 65 человек, руководитель игры – Л.М. Карнозова). "Проведение каждой ОДИ, - поясняет С.А.Пашин, - предусматривает специальную подготовку: анализ заказа на игру, анализ ситуации в той области, относительно которой проводится игра, выделение проблемных ядер ситуации, а дальше - проектирование конкретной игры. В процессе такой подготовки при отделе судебной реформы Государственно-правового управления родился методологический семинар по проблемам права и судебной реформы под руководством Л.М.Карнозовой" [20]. Семинар, продолжавший свою работу и в промежутках между играми, определил свою основную задачу как "*анализ юридического мышления и участие в разработках, направленных на его развитие*" [21]. В.М.Розин стал активным участником семинара, который иногда даже "переезжал" в его кабинет в Институте философии.

На семинаре обсуждаются результаты проведенных игр, готовятся итоговые публикации, намечается стратегия дальнейших действий. Так, на основе стенограмм двух первых игр выходит цитированный выше сборник дискуссий, работа с судьями и преподавателями вузов регионов, где введен суд присяжных (к 1995 г. их стало 9), продолжается в форме научно-практических семинаров, а в трех регионах отвечающая за становление нового юридического профессионализма связка "судьи - ученые - преподаватели вузов" оформляется в постоянно действующие научно-практические лаборатории при судах. Эти лаборатории, а также выпускаемый Отделом судебной реформы сборник "Летопись суда присяжных: прецеденты и факты" в стратегическом плане осмысляются как начало реализации "Проекта исследовательской инфраструктуры судебных инноваций" [22], следующим шагом которого становится выпуск двухтомного сборника трудов научно-практических лабораторий "Состязательное правосудие". Для этого двухтомника В.М.Розин пишет работу "Новая ситуация в юриспруденции: формы осознания" [23].

В 1994 г. при активном участии представителей методологического семинара проходят Всероссийское совещание по итогам первого года работы суда присяжных (в Сочи) и Конференция по подведению итогов работ по мониторингу деятельности судов присяжных (в подмосковном Нагорное). Но к этому времени для дальнейшего проведения реформ становится важно мнение не только ученых, но и общественности: ведь суд присяжных мыслится не просто как новый (или подзабытый старый) институт

правосудия, но и как образец современной правовой культуры для становящегося в России гражданского общества. В то же время представители "свободной прессы", в большой степени формирующие мнение этого самого гражданского общества, но не обладающие современным правопониманием, в первый год работы судов присяжных продемонстрировали, мягко говоря, обывательскую точку зрения на этот институт. В результате анализа сложившейся ситуации с освещением судебной реформы зимой-весной 1995 г. был разработан проект игры с журналистами, в которой им можно было бы не просто продемонстрировать, но и профессионально прокомментировать работу суда присяжных. Это интереснейшее мероприятие прошло в мае 1995 г. под руководством Л.М.Карнозовой и называлось "Судебная реформа и правовая журналистика: новые перспективы". А в 1996 г. на основе стенограммы игры выходит книга[24].

Однако к концу 1995 г. судебная реформа по сути забуксовала. Распространение суда присяжных так и остановилось на 9 регионах, на рассмотрение Государственной Думы поступил умеренно-консервативный проект нового Уголовно-процессуального кодекса, а отдел судебной реформы был ликвидирован. Последним успехом реформы можно считать принятие Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации", конкретизирующего конституционные положения о присяжных заседателях и вводящего институт мировых судей - но распространение первого, как было уже сказано, фактически остановилось, а на введение второго государство просто не предусматривало денег. Однако, несмотря на трудности внутри России, идеи судебной реформы были восприняты в процессе сближения законодательств стран СНГ [25], а также продолжают реализовываться силами законодателей[26] и заинтересованной общественности.

В 1996 г. рядом участников методологического семинара и научно-практических лабораторий создается Общественный центр "Судебно-правовая реформа", который при поддержке нескольких международных фондов продолжает исследования суда присяжных, выпускает ряд учебных фильмов для судей, а также начинает новое направление инновационной деятельности, связанное с внедрением института примирения, позволяющего в оговоренных УК РФ случаях не применять уголовное наказание к малолетним правонарушителям. Идейным обоснованием введения подобной практики служит выполненный в 1998-1999 годах под редакцией Л.М.Карнозовой перевод основательного труда З.Ховарда "Восстановительное правосудие". А параллельно В.М.Розин по заказу Центра пишет работу, посвященную молодежной преступности и проблемам перевоспитания преступной личности (ее основные идеи представлены в главе 7 и приложении 4 к настоящей книге).

4

Таков *практический контекст*, в котором выполнена работа В.М.Розина по изучению юридического мышления. Но, прежде чем характеризовать метод и результаты собственно исследования, вернемся еще раз к судебной реформе. Вывод о том, что осуществление - не на уровне деклараций, а на деле - судебной реформы выдвигает новые требования к юридическому профессионализму, не является неожиданным. Но все же почему центральной в работе группы, занимавшейся научно-методологическим обеспечением реформаторских действий, стала именно проблематика юридического мышления? Тот же вопрос можно адресовать и к книге В.М.Розина, первые две главы которой по существу посвящены анализу реформ в России и новой интеллектуальной ситуации, сложившейся в юриспруденции в результате первых попыток реализовать концепцию судебной реформы.

Позволим себе еще раз процитировать С.А.Пашина: "Стало очевидным, что укорененные в профессиональном мышлении нашего сообщества представления о праве препятствуют глубокой проблематизации "социалистического правосудия" и являются основным тормозом реформ... Осознание этого обстоятельства приводит к выводу, что осуществление судебной реформы состоит не столько в сочинении и введении в действие новых законов, в материально-техническом обеспечении новых институтов, но и - в первую очередь - в *реформировании юридического мышления, профессионального менталитета*... Такое понимание ситуации заставило выделить развитие профессионального мышления в особое направление работ по судебной реформе"^[27]. Отметим, что выводы С.А.Пашина о значимости (ре)формирования юридического мышления полностью совпали с диагнозом ситуации в сфере права, поставленным за шесть лет до этого методологической группой С.В.Попова и П.Г.Щедровицкого. С.А.Пашин - участник той памятной ОДИ 1987 года - не только принял ее основные выводы, но и попытался реализовать их на практике. А когда потребовалось - и вновь обратиться к технологии ОДИ.

В 1994 году, после проведения группой Л.М.Карнозовой двух первых игр, Отдел судебной реформы ГПУ заказывает В.М.Розину, казалось бы, очень далекую от проблематики судебной реформы работу - исследование истории формирования юридического мышления. Термин "юридическое мышление" не должен вводить нас в заблуждение. И В.М.Розин, и Л.М.Карнозова - выходцы из Московского методологического кружка, которые *понимают мышление отнюдь не как субъективную способность человека к "думанию", поэтому, с их точки зрения, и изменяется мышление отнюдь не по чьему-либо произвольному желанию*. Этот момент настолько важен, что автор пытается снять возможные недоразумения уже в эпиграфе, где приводится мнение крупнейшего специалиста в сравнительном правоведении Рене Давида: "Изменить или отменить какую-либо норму действующего права во власти законодателя. Однако он почти не властен изменить язык и основы юридического мышления". Иначе говоря, *мышление хотя и осуществляется людьми, но имеет весьма объективный характер, и масштаб времени, в котором можно говорить об изменении мышления - это исторический масштаб смены культур*.

Обосновывая значение «интеллектуального фактора» реформ, В.М.Розин проводит свой анализ реформ, противопоставляя два подхода к реформам: как к организационным решениям и как к модернизации: "В первом случае эффект социального действия незначителен, поскольку *не затрагиваются основные глубинные структуры и процессы системы, на которую оказывается воздействие* (к таким глубинным структурам и процессам относятся структуры и процессы мышления - В.М. и А.М.). Во втором есть надежда на реальный эффект..." (с.23). Завершая анализ второго варианта, В.М.Розин цитирует А.С.Ахиезера: "...Реформа должна мыслиться как продолжение некоторой логики истории... Но одновременно реформа должна быть определенным сдвигом в этой логике... В конечном итоге успех реформы зависит от возможности общества углубить массовый менталитет, лежащий в основе системы ценностей... Это означает, что *реформа должна опираться на опережающее развитие культуры*" (с.32, здесь и везде далее курсив наш - В.М. и А.М.).

Казалось бы, с точки зрения практика позиция автора неконструктивна. Так, полемизируя во время круглого стола на игре в апреле 1993 г. с В.С.Нерсисянцем, он сказал: "Проблема права более сложная, она не связана только с формальным равенством. На решение вопроса о праве влияет то, как мы понимаем развитие культуры, цивилизации, какие пути мы выбираем, как мы понимаем вопрос о человеке, с какими другими ценностями имеем дело - этническими, национальными, какое общество собираемся строить. Сегодня на эти

вопросы мы не имеем ответа, с которым бы согласилось общество, разные социальные группы. И потому в каком-то смысле мы не можем обсуждать проблемы права"[28].

Последовал вопрос: "Мы согласны с тем, что имеется неопределенность по целому ряду вопросов, а без этого двигать реформы нельзя или очень трудно... можем ли мы что-нибудь делать сейчас или лучше подождать, пока все не определится?" Ответ В.М.Розина можно воспринять как "неконструктивный", но его можно понять и как *задание самому себе*, которое он с блеском выполняет вот уже семь лет: "Конечно, каждый должен делать прорывы на своем месте. Но я обращаю внимание на то, что сейчас произошло резкое отставание формы сознания. Основной состав людей, делающих реформу, имеет неадекватное понимание ситуации, происходящих процессов. В результате этого разрыва отсутствует интеллектуальное обеспечение реформы... И как можно обсуждать все это по частям? Обсуждение права не связано ни с глобальной проблематикой, ни с человековедением... Нам нужно заботиться об адекватной форме самосознания и проработке интеллектуальных процессов"[29].

Окончив заказанную ГПУ работу об истории формирования юридического мышления, где по сути был нащупан подход к проблеме и обозначены основные вехи (кто же может осуществить полноформатное исследование в административно обозначенные жесткие сроки?), В.М.Розин читает лекции в ряде юридических вузов, посвященные юридическому мышлению и юридической психологии, - в том числе и в Высшей школе права «Адилет». В 1996 г. в Тольятти выходит "Юридическое мышление в исторической и современной перспективе"[30], где положения о генезисе и исторической трансформации юридического мышления связываются с анализом российских реформ. В 1997 г. в Москве появляется из печати небольшое учебное пособие "Психология для юристов"[31], где анализируются некоторые особенности следственной деятельности, связанные с преодолением защитных механизмов подозреваемых (в данной книге они рассматриваются в главе 6). Кроме того, здесь впервые появляется "Учение о психических реальностях" (в данной книге - приложение 1), выступающее методологической основой анализа преступного поведения и преступной личности (в данной книге - глава 8; кроме того, учение о психических реальностях используется здесь автором и для представления мышления как "событийно-символической реальности").

5

Таков в общих чертах объем наработок, с которыми автор подходит к написанию своей новой книги о юридическом мышлении. Но, прежде чем оценить по достоинству философско-методологические построения автора, попробуем ответить на простые "детские" вопросы: что дает изучение мышления юристу, каково место этого изучения в системе юридических дисциплин и, наконец, вообще, в чем смысл изучения мышления как такового. Начнем мы с последнего вопроса и предоставим слово В.М.Розину:

«Мышление является традиционной темой философии, начиная с работ Аристотеля, и, пожалуй, основной исследовательской темой современной методологии. Многие замечательные философы нашей цивилизации высказывали убеждение, что *познание того, как мы мыслим, более обще мышления, залог успешного разрешения проблем и задач, стоящих перед человечеством*. Но чаще к изучению мышления они обращались в связи с затруднениями, возникавшими в самом мышлении. Не стоит специально объяснять, что *эффективное мышление является необходимым условием любой деятельности человека, любой практики*» (с.58).

Итак, чтобы эффективно действовать, нужно эффективно мыслить. А мыслить эффективно - значит не испытывать затруднений «в самом мышлении». Но что значит повышать эффективность мышления? Ведь это не техническое устройство, которое можно охарактеризовать через КПД, и не коммерческое предприятие, для оценки которого существуют экономические критерии.

«Поскольку я вышел из... Московского методологического кружка..., для меня мышление выступает как одна из высоких ценностей. Поэтому вполне естественно мое стремление к изучению мышления. Но помимо чисто познавательного отношения мною движет и практический интерес. Как методолог я хочу *способствовать повышению культуры мышления*. Не меньшее значение имеют и *проблемы по поводу мышления, которые необходимо разрешить*» (с.59).

С точки зрения «кондового» практика, интерес автора никакой не практический, а самый что ни на есть философский: ведь его цели сосредоточены на самом мышлении. Впрочем, разрешение проблем «по поводу мышления» еще можно представить в связи с конкретными практическими ситуациями, которые не удастся «сдвинуть», например, из-за противоречий в мышлении – примером может служить работа Аристотеля «О софистических опровержениях» и вообще успешное решение им задачи упорядочивания античного мышления. Что же касается «непрактичности» цели «повышения культуры мышления», вспомним признание практика С.А.Пашина о том, что, по его мнению, являлось основным тормозом реформ. И учтем данную В.М.Розиным оценку реформ как культурного сдвига. Остается проследить, как же он намеревается исследовать юридическое мышление и какие результаты это дает в плане его эффективности в вышеописанном понимании.

«Хочу обратить внимание, что речь идет, хотя и о философском (точнее философско-методологическом), но все же исследовании мышления. Тем самым, я хочу противопоставить данную работу другим, где те или иные явления философ объясняет, осмысляет, но не исследует. При этом часто он говорит об изучении или исследовании, не отдавая себе отчета в смысле сказанного. В отличие от классической философской работы, предполагающей трансцендирование, осмысление материала, построение философской системы (смотри ряд от Платона и Аристотеля вплоть до Гегеля), философско-методологическое исследование представляет собой особый вариант изучения объекта (в данном случае мышления), опирающийся на эмпирический материал и гипотезы о природе этого объекта. То есть основная задача - не построение философской системы и осмысление действительности, где бы мышление находило себе место (кстати, как и многое другое), а получение знаний, понятий, схем, на основе которых можно было бы объяснить интересующие исследователя проблемы мышления, а также *построить определенный тип социального действия* (например, создать рекомендации для повышения культуры мышления или его формирования в школе). Но в отличие от обычного исследования, например, естественнонаучного, философско-методологическое поставляет материал для построения философской системы или разворачивания средств методологии. Кроме того, это исследование характеризуется более высокой степенью рефлексии, а по типу приближается к гуманитарному научному познанию» (с.71-72).

Итак, автор не только противопоставляется целям спекулятивной философии, намереваясь строить знания, понятия, схемы и т.д. для разрешения проблем мышления, но и говорит о социальном действии. То есть речь все же идет о практике, в частности, образовательной (автор говорит о повышении культуры мышления в школе). Впрочем, В.М.Розин сразу же оговаривает, что речь идет о работе, близкой по типу к гуманитарному научному

познанию. Но гуманитарное знание традиционно воспринималось как чисто описательное. О каком же социальном действии тогда идет речь?

«Сегодня все говорит за то, чтобы сделать очередной шаг, перейдя к другой парадигме познания мышления... Гуманитарный подход (парадигма) задает иное, чем естественнонаучное, понимание назначения знания и теории. *Гуманитарное знание (теория) используется не для описания объекта (в данном случае мышления) как элемента технического действия, а для других целей.* В частности, в данном случае двух. *Первая цель - конституирование реальности как условия понимания и общения.* Мышление для меня - не только объект изучения (и уж точно не объект технического действия), а реальность особого рода, позволяющая мне рассказать, как я понимаю мышление, и выслушать других (Платона, Аристотеля, своих современников) по поводу их представлений о мышлении...

Означает ли сказанное - невозможность согласованных действий и влияния на мышление? Естественно, нет. Но в данном случае предварительным условием этих действий и влияния является гуманитарное понимание и общение (диалог). Мои наблюдения и размышления показывают (здесь я перехожу к характеристике *второй цели использования гуманитарного знания*), что *сегодня для методолога важны и актуальны три основные плана влияния на мышление.* Традиционно он отвечает за интеллектуальную (мыслительную) культуру, а также обеспечение предметно-дисциплинарного мышления в аспекте его развития (анализ проблем и затруднений и поиски путей их разрешения). Не менее важно влияние методолога на всех участников современной мыслительной коммуникации (она по сути только складывается) в плане ее обустройства, например, формулирования правил "мыслительной игры", принципов общения участников мыслительного процесса, способов разрешения конфликтов и т. п. Наконец, методолог может способствовать современным живым тенденциям развития мышления, работая в областях гуманитарного научного познания, решения глобальных планетарных проблем, социально-политического исследования и программирования» (с.72-74).

Конечно, на первый взгляд это совсем не тот ответ, который ожидает услышать наш воображаемый «практик». Но, в оправдание В.М.Розина заметим, что примерно то же самое, что он говорит о целях *методологического исследования мышления*, можно было бы сказать и о целях *правоведения – исследования права* – если, конечно, признать его преимущественно гуманитарный характер. Разве мы будем спорить с тем, что «важно влияние *правоведа* на всех участников современной *правовой* коммуникации... в плане ее обустройства, например, формулирования правил "*правовой* игры" (судопроизводства, законотворчества?), принципов общения участников *правового* процесса, способов разрешения конфликтов и т. п. Наконец, *правовед* может способствовать современным живым тенденциям развития *права*...»

А теперь представим на минуту, что «правовая игра» – это, в значительной степени, «игра юридического мышления»^[32]. И что «живые тенденции развития права» тоже, как нам намекали С.А.Пашин и еще раньше С.В.Попов, во-многом определяются тенденциями развития юридического мышления. Безусловно, право существует не только в мышлении – но после психологической школы права и обстоятельных исследований правосознания мало кто, кроме самых закоренелых позитивистов, возьмется утверждать, что характер представленности права в сознании и мышлении несущественен для его функционирования и развития.

Большая ценность книги В.М.Розина - не только в авторском анализе юридического мышления и судебной реформы, но и в прояснении места юридического мышления как *конститутивной* составляющей права в целом. Наиболее основательно эта конститутивная роль юридического мышления рассмотрена автором на материале становления римского права. Читатель сам может сравнить выделенные им предпосылки формирования античного мышления и римского права.

Античное мышление направлено на получение знаний о действительности – но, в отличие от «обычных» знаний, которые приобретаются путем многократного практического подтверждения, мышление предполагает *получение одних знаний на основе других путем особой деятельности – рассуждений*. Изобретение рассуждений было, согласно В.М.Розину, обусловлено двумя предпосылками: *формированием античной личности*, обладающей индивидуальным сознанием в современном смысле слова, и связанным с этим *появлением социальной коммуникации, допускающей разрыв частного и общественного мнения*.

Возникновение права обусловлено по сути теми же предпосылками: человек с индивидуальным сознанием необходим как будущий носитель прав, а без рассуждений и социальной коммуникации с разрывами мнений невозможно появление судопроизводства, где бы решение вопроса о санкциях опосредовалось заслушиванием сторон и свидетелей и изучением обстоятельств дела. Из несвязанных с мышлением предпосылок автор называет только *появление первых правовых норм* (древних законов Вавилона, правовых норм Моисея и т.д.) – но этому находится вполне естественное объяснение:

«В теории деятельности природу первых законов можно понять следующим образом. В древнем мире сложились большие государства, функционирование которых предполагало жесткую структуру ролей, начиная от Богов и царей, кончая последним рабом, а также четкую систему управления. Законы представляли собой гениальное изобретение "чиновников" (жрецов и писцов) таких государств. Они позволяли сначала локализовать возникающие в деятельности государства "разрывы" (непредусмотренное поведение, конфликты и т. д.), затем восстановить нарушенные разрывами связи» (с.116).

Поэтому автор вполне законно полагает, что в силу общности предпосылок генезиса мышления и права «характеристики научного мышления... могут быть спроецированы и на юридическое мышление» (с.112). Это определяет авторскую стратегию анализа юридического мышления и предопределяет гипотезу: «Юридическое мышление в античности - это аристотелевское мышление, в центр которого становится такое "начало" как право» (с.130).

В то же время В.М.Розин убедительно показывает, почему, хотя античное научное мышление вполне сложилось уже в Древней Греции, «такое "начало" как право» (а, стало быть, и юридическое мышление) возникло лишь в Римской империи.

Основная идея, с помощью которой Аристотель упорядочил рассуждения и сформировал античное научное мышление, состояла в подчинении рассуждений правилам, что подразумевало указание на процедуру рассуждения, определение условий ее применения и контроль за соблюдением процедуры и условий. В социальном плане такое подчинение предполагало социальную приемлемость и понятность правил, а также согласование полученных знаний с «обычными»[\[33\]](#).

Правовое начало связывалось в античности прежде всего со справедливым решением в суде. Применительно к юридическому мышлению вопрос состоял в том, как судья,

рассуждая по правилам, может получить справедливое решение, согласующееся с «обычными» знаниями о справедливости – то есть тогдашними законами и представлениями обычного права. «Собственно уже Аристотель бился над тем, *как измерить и гарантировать справедливость...* но он... пытался решить эти проблемы в этической плоскости. *Идея римского права перемещает акценты: с этических поисков в плоскость управления и организации (справедливость - прерогатива власти)*, от тонких, но достаточно неопределенных рассуждений в области этики к более грубым, но точно измеренным и гарантированным действиям властных субъектов и подчиненных им судов» (с.125).

Но если имеет место отказ от рассуждений по правилам (в данном случае – от этических рассуждений), то чем же гарантируется справедливость действий судьи, который теперь следует предписаниям власти – то есть фактически из «беспристрастного третьего» сам превращается в субъекта власти? Что в таком случае предохранит нас от произвола?

«Может быть высказана следующая гипотеза: *формулы и отдельные процессы - это своеобразные административные способы разрешения тех конфликтных ситуаций, которые возникали в судах.* Встав над судом, администратор (претор в римском обществе, канцлер позднее в Англии) действовал привычным для себя образом. Во-первых, он старался организовать процесс судопроизводства, то есть установить правила, регламентирующие поведение всех участников судопроизводства в каждом отдельном с точки зрения администратора случае. Во-вторых, претор стремился продемонстрировать справедливость, опять же в административном смысле, то есть определить одинаковые условия, для определенных групп населения и для сходных ситуаций» (с.126).

Тем самым автор обосновывает следующий тезис: *«Именно в Риме складывается Идея Права: под ней понимается гарантированная для человека властью и законом справедливость»* (с.125). То, что из этого тезиса следует для юридического мышления, читатель может узнать из книги. Нам же гораздо интереснее отметить другое: что *при таком понимании генезиса самого права всю его дальнейшую историю можно истолковать как взаимодействие и борьбу двух конститутивных факторов: власти и юридического мышления.* Попытки редукции любого из них, неоднократно предпринимавшиеся в истории, себя не оправдали. Так, признано позитивистской крайностью стремление считать право исключительно продуктом властной (государственной) воли, сведя роль юридического мышления к чисто технической^[34]. В то же время, как показали работы Канта, и фактор властной воли не удастся подчинить никакому рациональному детерминанту. Сам Кант, опираясь на различие природы и свободы, вывел право за пределы чистого разума, но признал *первой дисциплиной разума практического*, который, в свою очередь, должен быть подчинен категорическому императиву. Однако и эта – вторая после Аристотеля – фундаментальная попытка заместить юридический дискурс этическим не имела успеха, хотя и оказала огромное влияние на политико-правовую мысль.

Впрочем, тезис о праве как дисциплине практического разума можно истолковать и более позитивно. Стремясь практически отвечать социальным потребностям, власть постепенно выработала *механизмы институционального самоограничения*, принципиальные формы осознания которых приобрели именно юридический характер. Власть также стремится обосновывать свою легитимность, предъявляя себя подданным именно в юридических понятиях, которые, помимо имманентных факторов эволюции, приобретают также фактор властно-политический.

Описанный момент развития права был осознан исторической школой, что В.М.Розин констатирует в форме поучительной истории о неудаче дедуктивных методов построения и реконструкции норм права, по форме напоминающих методы построения научных теорий (с.137-142). Но к XX веку растаяла надежда не только подчинить построение права дедуктивной научной теории, но и вообще подчинить его принципам разума – теоретического или практического. Существенными становятся мультикультурализм и ускоряющиеся общественные изменения. Возникает «неклассическая ситуация» как в философии, так и в правоведении – и говорить о каком-либо едином для всех разуме становится вообще невозможно.

7

«Кант понимал разум как одно целое, как высшую инстанцию по отношению к мышлению, сегодня же идея единого совершенного разума проблематична или вообще может вызвать только усмешку», - так квалифицирует ситуацию автор (с.60). Казалось бы, речь идет о далекой от юридической практики сфере метафизики. Но ведь именно то, что разум «законодательствует» (то есть устанавливает всеобщие правила), Кант считал условием возможности действия нормативной силы права: юридическое мышление (Кант сказал бы «рассудок») устанавливает правовые нормы (всеобщие правила поведения). Применение нормы - подведение под нее конкретного случая - есть дело другой (но тоже «разумной») инстанции - способности суждения.

Получается, что функционирование сферы права в целом не рассудочно, но все же (в идеале) разумно. С позиций современной ситуации Кант предельно «юридичен». Понимая ошибку великого Аристотеля и значение для Идеи Права властной воли, мы все же ждем от власти разумных действий. Отмечая противоречивость системы правовых норм (автор пишет, что в современной России сосуществуют семь (!) законодательных источников, не согласованных друг с другом - с.14), мы надеемся на разум законодателей. Видя правовой беспредел на улицах и телеэкранах, мы рассчитываем на разум исполнительной и судебной власти. Иначе говоря, отсутствие правопорядка мы по-прежнему считаем в значительной степени следствием «сбоев», рассогласований юридического мышления. Несомненно читавший Канта булгаковский профессор Преображенский по этому поводу заметил, что порядок нужно наводить прежде всего «в головах».

В юридическом мышлении отмеченное несовершенство разума проявляется как «неклассическая» ситуация в правоведении, которую, по мнению А.А.Матюхина, характеризуют следующие отличительные черты:

1. Множественность школ с собственными точками зрения на право и понятие права, использующих близкие понятия (такие, как «правовая норма», «правоотношение», «правосознание», «правовое поведение», «правоприменение», «правотворчество» и т.д.), но дающих им различное толкование, фокусируясь на каком-либо одном при признании значимости остальных;
2. Наличие «зерна истины» во взглядах каждой школы при частичном характере направления правопонимания, задаваемого каждой из них;
3. Потребность в интегративной концептуализации права.

Весьма немаловажно то, что в методологическом плане подобная ситуация не только не нова, но, напротив, весьма типична. Например, весьма похожие черты выделял в двадцатые годы Л.С.Выготский, осмысливший состояние современной ему психологии.

Уже название его работы - «Исторический смысл психологического кризиса» - говорит о том, что состояние психологии характеризовалось Выготским как «кризис», но *этот кризис - не досадное недоразумение, а принципиальная ситуация, имеющая «исторический смысл»*. Выготскому удалось найти выход в построении «культурно-исторической теории», имевшей методологическое значение интегративного подхода к изучению высших психических функций, а затем - и целого ряда других явлений. В частности, была построена интегративная точка зрения на комплексную проблему связи мышления и речи, соединившая позиции теорий, опиравшихся на различные исходные основания: логико-философские, лингвистические, собственно психологические и т.д.

Представители Московского методологического кружка, которые в своем изучении «языкового мышления» во-многом отталкивались от работ Выготского, в 60-е годы попытались *придать предложенному им методологическому ходу статус общего принципа поведения в подобных «кризисных» ситуациях*. Яркий пример - разработанный Г.П.Щедровицким и В.Н.Садовским подход к построению предмета семиотики (теории знаков): предлагалось содержащие зерно истины, но частные точки зрения на знак (логическую, психологическую и лингвистическую) рассматривать как «проекции» (или «срезы»), снятые как бы при различных поворотах единого «объемного» объекта, который, в свою очередь, должен быть «воссоздан» по своим проекциям (для наглядности приводилась аналогия с черчением)[\[35\]](#). Восстановленный комплексный объект назывался структурной моделью, или *моделью-конфигуратором*, а метод построения подобных моделей - *конфигурированием*, или *синтезом знаний*[\[36\]](#).

Однако в методе конфигурирования, как и в методологическом ходе, предложенном Выготским, просматривается «естественнонаучная» установка на получение «монистической» теории: в структуре синтетического научного предмета конфигуратор обладает *онтологической функцией*, то есть является эпистемологической единицей, онтологически обосновывающей и объясняющей существующие знания об объекте[\[37\]](#). Только при таком условии *процедуры абстракции* (получение частных знаний - «проекций» единого объекта) и *процедуры синтеза* (восстановления конфигулятора по частным знаниям) образуют «единый познавательный механизм»[\[38\]](#).

Единство оперативной системы перехода от одних знаний к другим через модель-конфигуратор, как и единство всего познавательного механизма в конечном обосновывается все тем же «последним основанием всякой методологии» - *общей теорией деятельности, представляющей мышление как деятельность*. Только на этом основании процедуры перехода от одних знаний к другим не просто состыковываются в оперативную систему, но образуют действительно *познавательный механизм* - систему мышления, а не просто «семиотическое производство».

Но именно это - сведение всего к одному началу (Деятельности) - и не устраивает В.М.Розина, заставляет его искать собственный метод. И здесь куда более близкой, чем позиции Л.С.Выготского и собственного учителя - Г.П.Щедровицкого - для него оказывается точка зрения М.М.Бахтина. *Разные школы и концепции для него связаны не эпистемологически* (как знания через модель-конфигуратор), *и не через мышление-как-деятельность* (по построению единой оперативной системы синтетического научного предмета) - хотя и то, и другое иногда имеет место, - *а прежде всего через коммуникацию, диалог*. Подобную установку автор, для которого важно сохранение человеческой составляющей знания, концепции, школы, научного предмета, называет *гуманитарной* - в отличие от естественнонаучной в широком смысле слова - как связанной с требованиями элиминации субъекта и построения объективного знания.

По мнению В.М.Розина, одним из ориентиров построения новой парадигмы познания мышления «будет служить антиномия - мышление предполагает действие личности, является реализацией личности и одновременно оно деиндивидуально, использует мыслящую личность как свой субстрат; в этом втором понимании мышление выступает скорее как семиотический процесс и деятельность» (с.73-74). Уходя от единой онтологии Деятельности, автор включает в число факторов, существенно влияющих на характер мышления, не только *чисто деятельностные* (рассуждения и их нормирование), но также *культурно-деятельностные* (семиозис), *социокультурные* (социальные потребности, коммуникация и институты) и *чисто культурные* («культурная проблема»). Кроме того, существенными факторами являются *индивидуальное сознание и институт личности*. Личность, по мнению В.М.Розина, «хотя и выходит из культуры и живет в ней, но часто действует в ее (деятельности - В.М. и А.М.) контексте независимо от культуры» (с.80).

8

И здесь крайне уместна оказывается авторская теория психологических реальностей, позволяющая ему сформулировать *методологическую схему анализа мышления как «событийно-символической реальности»*, в которой могут *встречаться и общаться* разные *дискурсы* и ставиться проблемы по поводу мышления (с.55-57). Заложенный в представление о мышлении как событийно-символической реальности *принцип коммуникативности* (встреча и общение дискурсов) позволяет соединить идеи культурно-исторического подхода с представлением о мышлении как личностном феномене. Цитируя последователя Бахтина В.С.Библера, автор признает, что «современное мышление строится по схематизму культуры, когда "высшие" достижения человеческого мышления, сознания, бытия вступают в диалогическое общение с предыдущими формами культуры (Античности, Средних веков, Нового времени). Аналогичное положение извечно угадывалось в сфере искусства, той формы культуры, что всегда *строится не в процедуре "снятия", но в ситуации встречи* (и трагического сопряжения) уникальных и неповторимых *личностных феноменов*» (с.84).

Следует особо остановиться на понятии дискурса, которое автор не просто заимствует у М.Фуко, но проводит специальную реконструкцию для включения в собственный метод. Согласно В.М.Розину, дискурс у Фуко «первоначально понимался просто как *высказывающая речь о вещах и мире...* Затем вполне в духе требований кантианского разума Фуко переходит к *анализу тех условий, которые обуславливали существование (жизнь) языка и вещей*. Исследования Фуко показывают, что это, *во-первых, правила*, нормирующие высказывающую речь, *во-вторых, практики*, в которых вещи и правила складываются и функционируют...

Следующий в логическом отношении шаг Фуко - *переход в поисках детерминант и условий* (теперь уже относительно правил и практик) *к анализу властных отношений...* Параллельно на всех трех этапах мыслительного движения шла критика традиционных представлений. В связи с этим, например, понятие дискурса у Фуко имеет два разных смысла: *"публичный" дискурс*, декларируемый общественным сознанием, обсуждаемый в научной и философской литературе, и *"скрытый дискурс"*, который исследователь (в данном случае Фуко) выявляет, реконструирует в качестве истинного состояния дел. С одной стороны, Фуко постоянно описывает и подвергает острой критике публичные дискурсы, с другой - реконструирует и анализирует скрытые дискурсы...

Итак, метод Фуко - это движение от публичных дискурсов-знаний к скрытым (реконструируемым) дискурсам-практикам и от них обоим к таким социальным практикам, которые позволяют понять, как интересующее исследователя явление

(например, секс или безумие) конституируется, существует, трансформируется, вступает в взаимоотношения с другими явлениями. И наоборот, это движения от соответствующих социальных практик к скрытым и публичным дискурсам. Понятием, схватывающим этот метод Фуко, правда в онтологической форме, является понятие "диспозитива"....» (с.40-41).

Подобный «археологический» метод последовательного «снятия слоев» для выхода к нормативным, а затем и к институционально-властным основаниям дискурсов выступает для автора образцом реализации гуманитарной установки. «Используя понятия диспозитива, дискурса, властных отношений и ряд других (одновременно конституируя их), - подчеркивает В.М.Розин, - Фуко предпринимает анализ целого ряда феноменов (безумия, сексуальности и т. п.), выступающих одновременно как культурно-исторические и индивидуально-психические образования...» (с.43).

Именно этот момент, на котором, возможно, и не акцентировал внимание сам Фуко, становится ключевым в авторской реконструкции, ибо помогает продвинуться в разрешении антиномии «надындивидуального» и «индивидуально-личностного» мышления. «Вообще мышление для Фуко, - настаивает автор, - выступает в качестве той точки опоры, опираясь на которую человек может изменить себя, преобразовать, вывести за пределы социальной и исторической обусловленности. "Эта критическая установка, - пишет С.Табачникова, - которую Фуко называет еще "установка-предел", с очевидностью выходит за рамки чисто эпистемологической критики или аналитики власти, поскольку анализ форм знания и институциональных практик здесь является лишь условием возможности и инструментом критики форм субъективности и их трансформации... Если для Канта, напоминает Фуко в работе "Что такое Просвещение?", основной вопрос состоял в том, чтобы "знать, какие границы познание должно отказываться переступать", то для него самого вопрос этот трансформируется в вопрос о том, "какова - в том, что нам дано как всеобщее, необходимое, обязательное, - доля единичного, случайного и идущего от произвольных принуждений. Речь, стало быть, идет о том, чтобы критику, отправляемую в форме необходимого ограничения, трансформировать в практическую критику в форме возможного преодоления"....» (с.47-48).

Понятие *диспозитива* выполняет у Фуко - и у В.М.Розина - *конфигурирующую функцию*, соединяя в один метод перечисленные выше аспекты реконструкции оснований дискурсов и работы с пределами. Согласно Фуко, диспозитив - это, прежде всего, *сеть*, установленная между элементами «радикально гетерогенного» ансамбля, включающего в себя «дискурсы, институты, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения, - стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное» (с.41).

Кроме того, в понятие диспозитива включается «*природа связи* между этими гетерогенными элементами. Так, некий дискурс может представлять то в качестве программы некой институции (то есть публичного дискурса), то, напротив, в качестве элемента, позволяющего оправдать и прикрыть практику, которая сама по себе остается немой (эта практика реконструируется как скрытый дискурс), или же, наконец, он может функционировать как переосмысление этой практики, давать ей доступ в новое поле рациональности (мы бы сказали, что в данном случае речь идет об условиях, обеспечивающих трансформацию и развитие)» (с.41-42). Данный аспект понятия диспозитива автор использует для *анализа практик власти* (представляемых как публичный и скрытый дискурсы), *лежащих в основании права и задающих рамки дискурсов юридического мышления*.

В-третьих, под диспозитивом понимается «некоторого рода... образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывалось: ответить на некоторую неотложность. Диспозитив имеет, стало быть, преимущественно стратегическую функцию» (с.42). Перетолковывая понятие диспозитива для методологической схемы анализа мышления, В.М.Розин получает очень интересную *перспективу рассмотрения юридического мышления* (представленного двумя дискурсами: нормативно-организационным и социально-юридическим) *и власти «в одном пространстве»*. Случись такое рассмотрение, мы бы получили новую и очень интересную интегративную концепцию правопонимания, представляющее позиции различных школ права как дискурсы, реконструирующее стоящие за ними практики и диспозитив власти.

Пока же мы имеем схему структуры юридического мышления (с.143), полученную на основе авторской «гуманитарной методологии». Остается надеяться, что исследования будут продолжены, и процитировать авторское видение их перспективы: «Нетрудно прогнозировать, что и в наше время переход в правоведении к современным представлениям методологии науки и науковедения окажет существенное влияние на юридическое мышление. При этом, с нашей точки зрения, уже не удастся большинство норм юридического мышления имплицитно фиксировать в форме правовых норм или принципов, как это было до сих пор (например, в принципе допустимости доказательств); остальные нормы, как известно, существуют или в виде образцов юридического мышления, что не позволяет их четко осознавать и применять, или в виде теорий доказательственного права, сегодня совершенно устаревших. Очевидно, *имеет смысл создание специальной новой дисциплины, которую можно назвать "методологией юридического мышления"*. Ее назначение - изучение особенностей юридического мышления и помощь в создании его норм» (с.142).

Завершая предисловие, хотелось бы вернуться к теме, обсуждавшейся в его начале, и пожелать юридическому сообществу большей открытости и внимания к точкам зрения неюристов, отношения к ним не как к носителям инопредметного (а потому чуждого) знания, но как к коллегам и партнерам по междисциплинарной коммуникации. Сеем надеяться, что предлагаемая на суд читателя книга профессора Розина будет достойным поводом для такой коммуникации. Чтение этого основательного труда - дело не простое, требующее навыков реконструкции иных точек зрения и обращения к рефлексии собственной работы. Но есть все основания полагать, что потраченные усилия с лихвой окупятся продвижением в понимании сути дела и поспособствуют дальнейшему развитию юридического мышления.

[1] См.: Щедровицкий Г.П. Языковое мышление и его анализ / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.450.

[2] См.: Щедровицкий Г.П. Котельников С.И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.115-142.

[3] См.: Попов С.В., Щедровицкий П.Г. Конкурс руководителей. - М.: Прометей, 1989.

[4] Методология организации прикладных комплексных исследований и разработок в области права. - Ярославль, 1990. С.2. *Курсив* в цитатах везде наш - В.М. и А.М.

[5] О технологии экспертизы см.: *Попов С.В.* Метод экспертизы // Кентавр. №23 (2000 г.); об экспертизах в контексте методологии права см.: *Марача В.Г., Матюхин А.А.* Институционально-правовой аспект методологически организованных общественных экспертиз // Кентавр. №23 (2000 г.). Всего состоялось пять подобных мероприятий: социально-экологическая экспертиза на Байкале (1988 г.), экспертиза проблем регионального развития в Оренбургской обл. (1989 г.), экспертиза проблем социально-экономического развития г. Омск (1990 г.), экспертиза программ конверсии (приватизации) госсобственности в Латвии (июнь 1991 г.) и экспертиза энергетики Сибири (Омск, октябрь 1991 г.). Именно благодаря проводимым С.В.Поповым методологическим школам и экспертизам началось сотрудничество авторов данного предисловия, которое привело к осмыслению ими *идей институционализма* как в правоведческом, так и в методологическом аспекте. В частности, А.Матюхиным были за последние годы разработаны представления *либерального институционализма* как интегративного направления правопонимания, а В.Марача занимается развитием *институционального подхода в качестве междисциплинарной методологии*, которая, объединяя представления правоведения, социологии, политологии, экономики и культурологии, могла бы служить общей методологической основой для решения комплексных социокультурных проблем.

[6] См.: *Щедровицкий Г.П.* О строении атрибутивного знания / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.590.

[7] См.: *Щедровицкий Г.П.* Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований. *Он же.* О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной логик / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.1-49.

[8] См.: *Щедровицкий Г.П.* Опыт логического анализа рассуждений («Аристарх Самосский») / Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С.57-202.

[9] См.: *Щедровицкий Г.П.* Проблема исторического развития мышления / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.496-514.

[10] См.: *Щедровицкий Г.П.* Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.199-202. В методологической литературе эти представления обычно относят ко Второй программе ММК, связанной с построением *теории деятельности и системно-деятельностного подхода*. Третья программа Кружка была связана уже с идеей *мыследеятельности* и разработкой *системомыследеятельностного (СМД) подхода*.

[11] Первой программой ММК традиционно называют исходный замысел Кружка, направленный на построение *содержательно-генетической логики*.

[12] *Розин В.М.* Изучение и конституирование мышления в рамках гуманитарной парадигмы (IV методологическая программа) // Вопросы методологии. 1997. №1-2.

[13] См., например: *Щедровицкий Г.П.* Система педагогических исследований (методологический анализ) / Педагогика и логика. - М.: Касталь, 1993. С.64-65. Этот тезис встречается и в ряде других работ Г.П.Щедровицкого.

[14] См.: *Розин В.М.* Семиотический анализ знаковых средств математики / Семиотика и восточные языки. М., 1967.

[15] См.: *Розин В.М.* Специфика и формирование естественных, технических и гуманитарных наук. Красноярск, 1989.

[16] См.: *Розин В.М.* Проблемы реальности, или как отличить святого от умалишенного // Кентавр. 1995. №1. С.48-55.

[17] Авторы этой статьи глубоко признательны Л.М.Карнозовой и С.А.Пашину за консультации и дружеское обсуждение фрагментов текста, связанных с событиями судебной реформы в России.

[18] Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. / Отв. ред. Л.М.Карнозова. - М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. С.7.

[19] Там же. С.9.

[20] Там же. С.8. Л.М.Карнозова в то время - зав. методологическим сектором отдела судебной реформы ГПУ, ныне – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН.

[21] Там же. С.8.

[22] *Карнозова Л.М.* К проекту исследовательской инфраструктуры судебных инноваций. – В сб.: Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. - М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. Вып.1. Части I, II. / Отв. ред. С.А. Пашин, Л.М. Карнозова. С.7-21.

[23] Там же. С.227-248.

[24] Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. Дискуссии о правовой журналистике. / Отв. ред. Л.М.Карнозова. - М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1996.

[25] На состоявшемся 7 октября 1998 года совместном заседании Сената и Мажилиса парламента Республики Казахстан принят Закон РК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан». В Конституцию Республики 1995 г. внесено 19 поправок. В частности, корректировке подверглась статья 75, пункт 2 которой дополнен нормой о том, что в случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство может осуществляться с участием присяжных заседателей. Вводится институт, которого судебная система Казахстана еще не знала. И, возможно, на казахстанской земле инновационный опыт российской судебно-правовой реформы найдет свое достойное применение и даже получит развитие. Следует отметить, что основа сотрудничества российских и казахстанских юристов в этом направлении уже заложена: еще в 1995 году международной рабочей группой под руководством С.А.Пашина был разработан Проект Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ. Проект, в разработке которого участвовали также казахстанские юристы, был принят Межпарламентской Ассамблеей СНГ 17 февраля 1996 года. Нормы, заложенные в этот документ, предусматривают и процесс с участием присяжных, и современные нормы допустимости доказательств, и ряд других инноваций.

[26] Следует отметить также роль Конституционного суда РФ, постановления которого по конкретным делам имеют нормативную силу. В качестве примера можно привести

Постановление от 2 февраля 1999 г., п.5 которого устанавливает мораторий на вынесение смертных приговоров до введения в действие федерального закона, обеспечивающего каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом присяжных, как это предусмотрено частью 2 статьи 20 Конституции РФ. Подобные решения служат эталоном восстановления правового смысла тех ситуаций, оценка которых с позиций действующего законодательства неоднозначна, - и указывают направление дальнейшего движения по пути к верховенству права.

[27] Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования... С.6-7. Дальнейшая судьба С.А.Пашина отчасти подтвердила его вывод о состоянии профессионального мышления и менталитета в юридическом сообществе. Перейдя на работу в Московский городской суд, он попытался перенести культуру работы и требования к доказательствам, сложившиеся в процессах с участием присяжных заседателей, на «обычный» уголовный процесс. Постепенно он становился «белой вороной» и вскоре был найден повод для лишения его судейских полномочий; ситуация, послужившая таким поводом, могла повлечь отмену приговора, вынесенного судьей Пашиным, но никак не лишение его полномочий. Это при том, что по российскому законодательству судьи несменяемы. Вопрос о служебном соответствии судьи, обвиняемого в совершении грубого нарушения, решается квалификационной коллегией - то есть *внутри судейского сообщества*. В свое время такая процедура отстранения судьи была заложена в Закон о статусе судей не без участия С.А.Пашина и казалась логичным продолжением принципа независимости судебной власти. Ее введение было попыткой решить извечный вопрос «а судьи кто?» применительно к самим судьям, и притом судьям несменяемым. Однако никто не предполагал, что судейское сообщество использует эту процедуру для борьбы с неугодными. В данном случае неугодным оказался реформатор и носитель нового юридического мышления. Правда, спустя несколько месяцев решением *Верховного Суда РФ* судья С.А.Пашин был восстановлен в должности, а решения Квалификационной коллегии федеральных судей г.Москвы и Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации были отменены «как незаконные и необоснованные». Защищал С.А.Пашина адвокат Г.М.Резник - убежденный сторонник судебной реформы и участник вышеупомянутых ОДИ. Так что не все столь безнадежно в юридическом цехе.

[28] Там же. С.276-277.

[29] Там же. С.278.

[30] Розин В.М. Юридическое мышление в исторической и современной перспективе. - Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1996.

[31] Розин В.М. Психология для юристов. Учебное пособие для высшей школы. - М.: Изд. Дом «Форум», 1997.

[32] С точки зрения методологических представлений о *коллективном мышлении* именно суд в целом - как *корпоративный институт* - а не кто-либо из отдельных участников процесса выступает носителем интеллектуальных функций мышления, понимания, рефлексии. Судебный процесс при этом выступает *формой разворачивания* коллективного юридического мышления, его «логикой, вынесенной вовне» - причем эта «логика» внешне больше напоминает *игру-состязание*. То же самое можно сказать и об интеллектуальных функциях в других *состязательных институтах*, в частности, в парламенте. См.: *Марача*

В.Г. Правопонимание в состязательных институтах // Научные труды «Адилет». 2000. №1(7). С.116-122.

[33] Введенное В.М.Розиным представление об «обычных знаниях» (по аналогии с «обычным правом») - яркий пример того, как приложение к сфере права общенаучной методологии обогащает не только правоведение, но и саму эту методологию. Чрезвычайно интересна гипотеза автора о том, что «древний человек получал знания не в рассуждениях, а используя схемы» (с.88), указание на роль в обосновании таких знаний «семиотического производства» (с.87). Приложение этой идеи к вопросу о происхождении норм обычного права, несомненно, заслуживает подробного рассмотрения в отдельной работе.

[34] Именно таким - сведенным преимущественно к технической роли - был, по мнению С.В.Попова, характер юридического мышления советских юристов, привыкших «обосновывать, толковать и исполнять указы, лежащие вне всякой идеи права». См.: Методология организации прикладных... С.2.

[35] См.: Щедровицкий Г.П. К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.515-524.

[36] Описание конфигурирования как общего метода синтеза знаний см. в: Щедровицкий Г.П. Синтез знаний: проблемы и методы / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.634-666.

[37] Там же. С.655.

[38] Там же. С.644.

Дата: 21:29 21.03.2005 | **Автор:** Марача В.Г., Матюхин А.А. Послесловие к книге: В.М. Розин. Юридическое мышление. - Алматы: Высшая школа права "Адилет", 2000. Журнальный вариант печатался в альманахе "Кентавр". №25 (2001).

[Наверх](#)

© 1994—2004, [Школа Культурной Политики](#). При перепечатке ссылка на сайт обязательна. Официальный сайт юбилейных мероприятия памяти Г.П.Щедровицкого | Версия для печати | Адрес документа в интернете: <http://gp.metod.ru/mmk/13>

Юридическое мышление: право в методологической перспективе

Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, по-своему уникальна даже и в наше время относительной свободы взглядов. Так уж у нас сложилось, что юридическое сообщество, обладая старой доброй "цеховой" традицией и здоровым консерватизмом, с опаской поглядывает на "непосвященных", берущихся рассуждать на юридические темы. Даже и в междисциплинарных областях, таких как юридическая психология, философия или социология права, где, казалось бы, правоведы должны делить влияние и ответственность со "смежниками", тон, как правило, задают именно представители юридической мысли. Конечно, проще всего сей прискорбный факт отсутствия научной

коммуникации и кооперации (вот уж который год личным примером усердно опровергаемый авторами данного предисловия) списать или на «козни» юристов, охраняющих свои "корпоративные" владения, или на неспособность представителей соседних "ведомств" сказать что-то дельное.

Но не все, что кажется легко объяснимым, оказывается таковым при более пристальном рассмотрении. Яркий тому пример - анализ хода судебно-правовой реформы - тема, весьма созвучная книге В.М.Розина. Вот уже более десятилетия на просторах теперь уже бывшего СССР происходит изменение общественного строя. Одной из важнейших проблем данного изменения признается преодоление тоталитаризма и построение правового государства, существенным элементом которого выступает независимая судебная власть. И кто бы из ученых ни занимался данной тематикой: социологи, политологи или представители юридических дисциплин - государствоведы и процессуалисты - все сходятся в том, что одно из фундаментальных препятствий, отодвигающих решение проблемы в неопределенное будущее - это наша собственная *правовая культура*, для которой повсеместно характерен правовой (юридический) нигилизм. "Простые" объяснения - вроде того, что во всем виноваты большевики, - не проходят уже по той простой причине, что данная проблема ставилась и обсуждалась еще до 1917 г. Да и русский марксизм, как показали Н.Бердяев и ряд других мыслителей, возник не на пустом месте, а на культурной почве, подготовленной всем предшествующим развитием страны. То есть вопрос смещается в русло *философии* права (или, может быть, *культурологии* права - хотя такой дисциплины пока нет): как соотносятся российская культурная традиция и Идея права, "русская душа" и "юридические начала"?

Однако за последние годы заметное слово в столь актуальной ныне, казалось бы, философии права сказали только правоведы (В.С.Нерсисянц, С.С.Алексеев и другие). Работы же, посвященные проблематике правовой культуры, и вовсе наперечет. На этом фоне интерес к философско-методологическим проблемам права профессора философии В.М.Розина -исследователя, заслужившего себе имя также и в целом ряде других дисциплин (истории и методологии науки, семиотике, культурологии, психологии, педагогике и т.д.) - явление, которое могут поприветствовать не только ученые-правоведы, приобретающие себе коллегу с собственным интересным подходом и точкой зрения, но и юристы-практики, получающие "взгляд со стороны" на один из самых "интимных" аспектов своей профессии - юридическое мышление

1

Вадим Маркович Розин родился в достопамятном 1937 году. И весьма символично, что его студенческая молодость приходится на первую волну попыток преодолеть то, с чем 1937 год в нашей коллективной памяти теперь более всего ассоциируется: массовые репрессии и запрет на свободную мысль. Естественная для студента Московского педагогического института имени В.П.Потемкина Вадима Розина жажда интеллектуального самовыражения приводит его в *Московский методологический кружок (ММК)*.

Организаторами Кружка, возникшего на рубеже 40-50-х годов на том же философском факультете МГУ и называвшегося вначале логическим (логика в то время была единственной разрешенной отдушиной для мысли), были тоже весьма молодые в то время Б.А.Грушин, А.А.Зиновьев, М.К.Мамардашвили и Г.П.Щедровицкий - будущий учитель В.М.Розина. Своей философской программой они провозгласили построение "содержательно-генетической логики", которая ставилась в оппозицию как классической

традиции формальной логики, так и культивировавшейся советскими марксистами логике диалектической. Первую участники ММК не жаловали за *формализм и нормативизм* (отсюда термин "содержательная" - в пику "формальной"), вторая была неприемлема по причине своего ненаучного (в узком смысле слова) *спекулятивного* характера.

Первая программа ММК была призвана *вернуть логике статус науки о мышлении*, которую она, по мнению авторов, в обоих противостоящих подходах давно потеряла. При этом "наука о мышлении" мыслилась, во-первых, как "точная" (то есть строящая модели и идеальные объекты - как физика), а не спекулятивная (подобно пресловутой диалектической логике), и, во-вторых, "эмпирическая" (то есть основанная на исследовании конкретного материала), а не нормативная (лишь предписывающая, как строить непротиворечивые рассуждения безотносительно к материалу - подобно логике формальной).

Материалом для эмпирического исследования мышления стали *тексты* (преимущественно научные и философские), которые рассматривались как "проявления" мышления в речи-языке - соответственно, базовый для новой логики объект исследования получил название "языкового мышления"^[1]. Образцом исследовательской работы для участников Кружка на первых порах стала кандидатская диссертация А.А.Зиновьева, посвященная методу восхождения от абстрактного к конкретному в "Капитале" К.Маркса. Однако уже в дискуссиях, посвященных конкретизации исходных идей программы, Г.П.Щедровицкий резко разошелся с А.А.Зиновьевым. Своим путем пошли М.К.Мамардашвили, а затем и Б.А.Грушин. Злые критики возражали, что никакой содержательной логики не бывает, так как любое содержание имеет форму. Еще говорили, что кружковцы взялись за невозможное, пытаясь "соединить гегелевскую диалектику с кибернетическими схемами". Споры шли вплоть до полного взаимного отрицания (что вполне соответствовало юношескому духу того времени), однако в них родилось нечто гораздо более существенное - собственно "*Кружок*" как *специфическая форма интеллектуальной жизни и коммуникации* в рамках традиции мысли, позже названной *методологической*. Прежде всего речь идет о *методологических семинарах* Кружка, бессменным руководителем которых более 40 лет был Г.П.Щедровицкий. Но, кроме личности руководителя, не менее важно и то, что семинары превратились в подлинную реализацию "языкового мышления" в его *коллективной* форме - а потому легче поддающейся рефлексивному осмыслению.

Но то, что хорошо поддается рефлексивному анализу, может целенаправленно совершенствоваться, а при необходимости и видоизменяться под другие задачи. Вот и семинары постепенно из формы внутренних дискуссий, ведущихся в ходе философско-методологического исследования, становятся также и формой постановки и обсуждения *междисциплинарных проблем*. А выйдя за пределы круга философов ("методологов") и ученых к решению *комплексных народнохозяйственных и социальных проблем* смешанными коллективами методологов, ученых и практиков, методологические семинары породили качественно новую форму "организации и развития коллективной мыследеятельности" - *организационно-деятельностную игру (ОДИ)*, изобретенную Г.П.Щедровицким в 1979 году^[2].

В 80-е годы (и особенно с началом перестройки) проведение ОДИ превратилось в целое интеллектуально-общественное движение, направленное на поиск подходов к осуществлению масштабных изменений в различных сферах жизни страны: экономике, образовании, управлении и планировании. Появились даже специалисты, профессионально занимающиеся проведением ОДИ - *игротехники*. Ярким примером инновационного использования ОДИ может служить проведенный в январе 1987 года

первый всесоюзный конкурс на замещение должности и последующие выборы директора автозавода РАФ, организованные методологической группой как эксперимент в области введения «промышленной демократии»[3]. Прецедент был поддержан высшим руководством КПСС и превратился в образец для подражания: по стране прокатилась волна конкурсов и выборов (правда, к сожалению, количество тогда пошло в ущерб качеству: при тиражировании опыта методологии уделялось уже мало внимания).

В том же году, благодаря инициативе нескольких молодых сотрудников Института государства и права Академии наук СССР, *игровое движение затронуло и сферу права*: в марте 1987 года в Юрмале в рамках V Всесоюзной школы молодых юристов проводится ОДИ по теме «Методология организации прикладных комплексных исследований и разработок в области права». Руководителем игры был С.В.Попов, методологом-консультантом - П.Г.Щедровицкий (сын Г.П.Щедровицкого). Для носителей игрового метода - игротехников и методологов - по их собственному признанию, «сфера права была... новой (хотя знали и читали о ней довольно много). Поэтому первая задача, поставленная перед игрой, состояла в анализе ситуации в сфере права в стране и выделении проблем дальнейшего исследования и разработки в методологическом ключе...

Весь ход игры - поиск проблемных областей, в которых юридическое знание не обладает однозначностью, где на поверхность выходят реалии жизни, которые правовое мышление еще должно освоить. И оказалось, что *основная проблема - в организации мышления самих юристов*. Даже если не брать трагическую историю юриспруденции в СССР после Октябрьской революции и изгнание из ее практики и теории самой идеи права (за счет попыток превратить правосудие в орудие борьбы одного из классов), остается вопрос - в какой мере и как возможно становление правовой структуры общества в Советском Союзе, как должна быть устроена юриспруденция, чтобы это осуществить?

Призраком ответов, блуждающий в дискуссиях игры, довольно жестко указывает на то, что современное состояние юридического мышления, привыкшего обосновывать, толковать и исполнять указы, лежащие вне всякой идеи права, вряд ли позволит это сделать... Отсюда напрашивается *единственный вывод - необходимо коренное переосмысление основных категорий и понятий права и юриспруденции*. Такое понимание проблемы вынудило группу юристов и методологов провести следующую школу «Проблемы понятия права» в 1989 г. в Свердловске, предвидятся и следующие школы. Их *главная задача - формирование мышления, способного осмыслить и правовым образом оформить процессы, происходящие в стране*»[4].

Это было написано в июне 1990 года. А в сентябре того же года под Душанбе состоялась III Всесоюзная школа по методологии права. Параллельно развивалась и другая линия сотрудничества методологов и юристов: *методологически организованные общественные экспертизы*. Если на школах по методологии права юридические проблемы анализировались с применением инструментария методологии и игротехники, то экспертиза была в определенном смысле развитием методологической технологии ОДИ за счет традиционно юридического инструментария: правовой процессуальной формы[5].

2

Но вернемся к содержанию первой программы ММК, которую, помимо указанных выше черт, можно еще характеризовать как *семиотическую*. Исследуя мышление через его проявление в текстах, методологи ввели представление о *знаковом замещении*: данное отношение (и обратное ему отношение *отнесения*) связывает *знаковую форму и объективное содержание*, представляющие собой две "плоскости" относительно

независимого "разворачивания" процессов мышления[6]. В таком двухплоскостном (пространственном) представлении мышления - принципиальное отличие программных установок ММК как от формальной логики (которая "видит" содержание только "сквозь" форму), так и от логики диалектической (которая в лучшем случае поступает "наоборот", то есть рассматривает разворачивание форм мышления как "самодвижение содержания") [7].

"Исследовать мышление" какого-либо автора (Маркса или, скажем, Аристарха Самосского - впрочем, имя несущественно, важно лишь, какие процессы мышления реализуются на данном субъекте) с точки зрения первой программы ММК - значит, опираясь на текст как эмпирический материал, *реконструировать* процессы мышления, следом (результатом) которых является данный текст. Получается, что исследование мышления – это в буквальном смысле его *ис-следование*, т.е. *реконструкция (восстановление) мышления по его следам*[8]. Результат подобной работы представляется в *схемах* типа описанной выше конструкции двухплоскостного замещения или более сложных: многоплоскостного замещения; схем с выделением разных типов знаков и отношений означения и т.п. *Процессы* мышления вначале представляются рядом (последовательностью) структурных схем, а затем этот ряд представляется как последовательность «вытекающих» одно из другого состояний, то есть «последующие» схемы нужно «вывести» из «предыдущих». Отсюда вторая часть названия новой логики - *содержательно-генетическая*: реконструированный процесс мышления представляет собой генетический вывод одних схем из других. А поскольку из марксистской и гегелевской диалектики методологи позаимствовали идею *исторического развития*, то объективным содержанием, стоящим за генетическим выводом, было объявлено историческое развитие мышления[9].

Вначале теоретической целью всех "исторических реконструкций" процессов (развития) мышления было построение "алфавита операций", то есть получение относительно компактной системы "единиц" и правил вывода, напоминающей систему языка. Однако на рубеже 60-х годов произошла "смена парадигмы": появилось представление *мышления как деятельности*. В каком-то смысле это был (на новом уровне) возврат к принципу нормативности мышления, однако это нормативность уже не формальных правил, а *деятельности, воспроизводящейся по образцам*, хранящимся и передаваемым ("транслируемым") в пространстве культуры[10].

В.М.Розин, которому от Учителя "досталось" исследование формирования знаковых средств геометрии, внутренне так и не принял идею Деятельности как онтологическую. Исследуя, как решали математические задачи в Древнем Вавилоне, он назовет подобное "мышление-как-деятельность", воспроизводящееся по образцам (схемам) практической деятельности, *семиотическим производством* (см. стр. 87 данной книги). Производимые с помощью техники подобного производства восстановление границ и вычисления размеров полей разительно отличаются от построений и вычислений, описанных в "Началах" Евклида, где *все рассуждения подчинены правилам оперирования с идеальными объектами науки* - евклидовой геометрии. Именно этот случай В.М.Розин и считает *собственно мышлением* - в отличие от семиотического производства и мышления-как-деятельности (с.90).

В.М.Розин останется верен духу (не букве) первой программы ММК[11] - духу *исследования мышления*. Много позже, в 1996 году, он назовет написанную им "Четвертую методологическую программу" Программой исследования мышления[12] и напишет (эта мысль повторяется в данной книге на с.66), что уже "в первой методологической программе, целью которой, как заявлялось неоднократно, является

изучение мышления,... *мышление как объект изучения исчезло* и все попытки Г.П.Щедровицкого, продолжавшиеся вплоть до его смерти, вернуться к изучению мышления были тщетны. Таким образом, можно сформулировать... парадокс: объявив мышление основным объектом изучения и реально начав его исследовать, методологи соскользнули к изучению других объектов - знаков, деятельности, мыследеятельности".

Одну из причин подобного парадокса автор видит в том, что методологическое исследование (в особенности таких феноменов, как мышление) по своему характеру приближается к *гуманитарному*, в то время как в 60-е годы методологи были целиком ориентированы на *естественнонаучный* идеал знания. Во всяком случае, в понимании характера использования результатов своих исследований они были близки к бэконовскому идеалу «покорения природы», который можно сформулировать как инженерное преобразование объекта на основе знания естественных законов его жизни. В марксистском варианте данного идеала, как он выражен в «Тезисах о Фейербахе», требовалось рассматривать «объект» не созерцательно, а с точки зрения его *возможного преобразования и развития*, то есть «как чувственно-практическую деятельность». Но все равно в марксизме сохраняется требование объективизма естественнонаучного типа, то есть отыскания «объективных» законов существования изучаемого явления (для Маркса это законы развития, понимаемого как естественноисторический процесс).

Установка на отыскание общих законов требует предположения о «единстве природы» изучаемых объектов – иными словами, *единой онтологии* как основания исследований. Для ММК образца 60-х годов эту функцию выполняла «общая теория деятельности», которую Г.П.Щедровицкий провозгласил даже «последним основанием всякой методологии»^[13]. В.М.Розин, неудовлетворенный ущербным характером представлений о мышлении-как-деятельности, решает «поднять руку на Учителя» и ищет свой собственный ответ на онтологический вопрос. Вот как он это описывает:

"В плане онтологических представлений в конце 60-х годов я понял, что невозможно все основывать на деятельности, как это утверждал Г.Щедровицкий. Необходимо признать (положить) сразу три начала - Деятельность (и мышление), как деиндивидуальные - исторические образования, Культуру и Личность (индивида, субъекта). При этом эти три начала, с одной стороны, автономны и, так сказать несоизмеримы в познавательном отношении, с другой - выступают друг относительно друга как условия или контекст. Действительно, деятельность есть одно из условий культуры, а культура выступает как условие или контекст деятельности и мышления; личность хотя и выходит из культуры и живет в ней, но часто действует в ее контексте независимо от культуры. "Перпендикулярно" к этим трем началам располагается История (фактически это четвертое начало)" (с.79-80).

В столь ясной форме позиция автора была сформулирована далеко не сразу. Этому предшествовало осмысление многолетнего опыта конкретных – гуманитарных по духу – исследований мышления. Семиотическое изучение формирования знаковых средств математики^[14] В.М.Розин дополняет методологическим анализом структуры античной науки и культурологическим осмыслением предпосылок ее формирования. С позиций культурно-исторического анализа ему удается получить целостную картину трансформации научного мышления античности в естественные науки Нового времени, описать становление технических и гуманитарных наук, проследив различия в характере мышления и знания, но также и выделив общее ядро научного мышления^[15].

По мере продвижения работы по изучению мышления выкристаллизовывается не только онтологическая позиция, но и отвечающий ей *собственный метод автора* – оригинальный

сплав деятельностного подхода, развитого в ММК, с культурологическим (культурно-семиотическим) и психологическим. Понимание того, что изучение мышления не может ограничиться анализом его надличностных аспектов, приходит к В.М.Розину по мере погружения в исследование мышления эзотериков – людей, способных не просто создать собственные представления о реальности, но и согласовать их со своим восприятием внешнего мира. То, что эзотерики – не сумасшедшие и не солипсисты – для В.М.Розина не выдумка, а эмпирический факт, подлежащий рациональному объяснению [16], которое он и дает на основе своей *теории «психологических реальностей»* (см. Приложение 1 в данной книге). Эта теория и становится третьим (психологическим) краеугольным камнем метода автора, с которым он и приступает к анализу юридического мышления.

Можно заметить, что составляющие авторского метода находятся в соответствии с теми тремя началами, которые он выделяет как исходные: Деятельностью, Культурой и Личностью. Что же до Истории, которая, по мнению В.М.Розина, располагается "перпендикулярно" к этим трем началам, методологически это выражается в том, что каждое явление автор рассматривает в его генезисе, в историческом развертывании. Возможно, было бы даже правильнее сказать, что не столько компоненты метода соответствуют онтологической позиции автора, сколько она сама есть лишь оформление и результат методологических поисков автора, вынужденного возражать своему Учителю в ключевом философском вопросе: «Что существует?»

3

Монография В.М.Розина - не только итог нескольких лет исследований автора, посвященных юридическому мышлению, но и результат его *осмысления опыта судебной реформы в России*. Поэтому уделим немного внимания описанию той практической работы по научно-методологическому обеспечению реформы, которая послужила важным контекстом исследований автора [17]. Ведь В.М.Розин был не сторонним наблюдателем реформы, а участником ряда научно-практических проектов, часть которых осуществлялись в форме особых публичных акций - ОДИ, - об этой своеобразной технологии организации коллективного мышления и деятельности по решению комплексных проблем уже упоминалось выше в связи с историей ММК. Как отмечает один из главных идеологов и практиков российской судебной реформы в 1991-95 гг. С.А.Пашин (в то время - начальник отдела судебной реформы и судопроизводства Государственно-правового управления Президента РФ), "к этому времени ОДИ зарекомендовала себя как достаточно эффективная форма организации коллективной работы в проблемной ситуации, вынуждающей перестраивать сложившиеся формы деятельности, как метод проблематизации профессионального сознания и условие развития ее участников..." [18].

Первая в истории новой России ОДИ по правовой проблематике была проведена в апреле 1993 г. под Москвой по теме "Судебная власть в России: перспективы и пути становления" (руководитель игры – Л.М. Карнозова). Основной состав участников - судьи, прокуроры, адвокаты из регионов, где предстояло *ввести суд присяжных*, должностные лица правоохранительных органов, члены Верховного Суда РФ, ученые (общее количество участников - 120 человек). "Важнейший вывод первой игры, - пишет С.А.Пашин, - состоял в том, что судебная реформа диктует новые требования к юридическому профессионализму... Проблемы, обсуждавшиеся на первой игре, фактически указывали на пробелы в корпусе теоретических представлений юридической науки, а следовательно, в содержании юридического образования... Поэтому вторая игра была целенаправленно посвящена этой проблематике" [19].

Вторая ОДИ - по теме "Судебная реформа и юридический профессионализм (введение в современную юриспруденцию)" - прошла в ноябре 1993 г. Основной состав участников - преподаватели юридических вузов из разных регионов России и другие ученые-правоведы (общее количество участников - 65 человек, руководитель игры – Л.М. Карнозова). "Проведение каждой ОДИ, - поясняет С.А.Пашин, - предусматривает специальную подготовку: анализ заказа на игру, анализ ситуации в той области, относительно которой проводится игра, выделение проблемных ядер ситуации, а дальше - проектирование конкретной игры. В процессе такой подготовки при отделе судебной реформы Государственно-правового управления родился методологический семинар по проблемам права и судебной реформы под руководством Л.М.Карнозовой"[20]. Семинар, продолжавший свою работу и в промежутках между играми, определил свою основную задачу как *"анализ юридического мышления и участие в разработках, направленных на его развитие"*[21]. В.М.Розин стал активным участником семинара, который иногда даже "переезжал" в его кабинет в Институте философии.

На семинаре обсуждаются результаты проведенных игр, готовятся итоговые публикации, намечается стратегия дальнейших действий. Так, на основе стенограмм двух первых игр выходит цитированный выше сборник дискуссий, работа с судьями и преподавателями вузов регионов, где введен суд присяжных (к 1995 г. их стало 9), продолжается в форме научно-практических семинаров, а в трех регионах отвечающая за становление нового юридического профессионализма связка "судьи - ученые - преподаватели вузов" оформляется в постоянно действующие научно-практические лаборатории при судах. Эти лаборатории, а также выпускаемый Отделом судебной реформы сборник "Летопись суда присяжных: прецеденты и факты" в стратегическом плане осмысляются как начало реализации "Проекта исследовательской инфраструктуры судебных инноваций"[22], следующим шагом которого становится выпуск двухтомного сборника трудов научно-практических лабораторий "Состязательное правосудие". Для этого двухтомника В.М.Розин пишет работу "Новая ситуация в юриспруденции: формы осознания"[23].

В 1994 г. при активном участии представителей методологического семинара проходят Всероссийское совещание по итогам первого года работы суда присяжных (в Сочи) и Конференция по подведению итогов работ по мониторингу деятельности судов присяжных (в подмосковном Нагорное). Но к этому времени для дальнейшего проведения реформ становится важно мнение не только ученых, но и общественности: ведь суд присяжных мыслится не просто как новый (или подзабытый старый) институт правосудия, но и как образец современной правовой культуры для становящегося в России гражданского общества. В то же время представители "свободной прессы", в большой степени формирующие мнение этого самого гражданского общества, но не обладающие современным правопониманием, в первый год работы судов присяжных продемонстрировали, мягко говоря, обывательскую точку зрения на этот институт. В результате анализа сложившейся ситуации с освещением судебной реформы зимой-весной 1995 г. был разработан проект игры с журналистами, в которой им можно было бы не просто продемонстрировать, но и профессионально прокомментировать работу суда присяжных. Это интереснейшее мероприятие прошло в мае 1995 г. под руководством Л.М.Карнозовой и называлось "Судебная реформа и правовая журналистика: новые перспективы". А в 1996 г. на основе стенограммы игры выходит книга[24].

Однако к концу 1995 г. судебная реформа по сути забуксовала. Распространение суда присяжных так и остановилось на 9 регионах, на рассмотрение Государственной Думы поступил умеренно-консервативный проект нового Уголовно-процессуального кодекса, а отдел судебной реформы был ликвидирован. Последним успехом реформы можно считать принятие Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской

Федерации", конкретизирующего конституционные положения о присяжных заседателях и вводящего институт мировых судей - но распространение первого, как было уже сказано, фактически остановилось, а на введение второго государство просто не предусматривало денег. Однако, несмотря на трудности внутри России, идеи судебной реформы были восприняты в процессе сближения законодательств стран СНГ [25], а также продолжают реализовываться силами законодателей [26] и заинтересованной общественности.

В 1996 г. рядом участников методологического семинара и научно-практических лабораторий создается Общественный центр "Судебно-правовая реформа", который при поддержке нескольких международных фондов продолжает исследования суда присяжных, выпускает ряд учебных фильмов для судей, а также начинает новое направление инновационной деятельности, связанное с внедрением института примирения, позволяющего в оговоренных УК РФ случаях не применять уголовное наказание к малолетним правонарушителям. Идейным обоснованием введения подобной практики служит выполненный в 1998-1999 годах под редакцией Л.М.Карнозовой перевод основательного труда З.Ховарда "Восстановительное правосудие". А параллельно В.М.Розин по заказу Центра пишет работу, посвященную молодежной преступности и проблемам перевоспитания преступной личности (ее основные идеи представлены в главе 7 и приложении 4 к настоящей книге).

4

Таков *практический контекст*, в котором выполнена работа В.М.Розина по изучению юридического мышления. Но, прежде чем характеризовать метод и результаты собственно исследования, вернемся еще раз к судебной реформе. Вывод о том, что осуществление - не на уровне деклараций, а на деле - судебной реформы выдвигает новые требования к юридическому профессионализму, не является неожиданным. Но все же почему центральной в работе группы, занимавшейся научно-методологическим обеспечением реформаторских действий, стала именно проблематика юридического мышления? Тот же вопрос можно адресовать и к книге В.М.Розина, первые две главы которой по существу посвящены анализу реформ в России и новой интеллектуальной ситуации, сложившейся в юриспруденции в результате первых попыток реализовать концепцию судебной реформы.

Позволим себе еще раз процитировать С.А.Пашина: "Стало очевидным, что укорененные в профессиональном мышлении нашего сообщества представления о праве препятствуют глубокой проблематизации "социалистического правосудия" и являются основным тормозом реформ... Осознание этого обстоятельства приводит к выводу, что осуществление судебной реформы состоит не столько в сочинении и введении в действие новых законов, в материально-техническом обеспечении новых институтов, но и - в первую очередь - в *реформировании юридического мышления, профессионального менталитета*... Такое понимание ситуации заставило выделить развитие профессионального мышления в особое направление работ по судебной реформе" [27]. Отметим, что выводы С.А.Пашина о значимости (ре)формирования юридического мышления полностью совпали с диагнозом ситуации в сфере права, поставленным за шесть лет до этого методологической группой С.В.Попова и П.Г.Щедровицкого. С.А.Пашин - участник той памятной ОДИ 1987 года - не только принял ее основные выводы, но и попытался реализовать их на практике. А когда потребовалось - и вновь обратиться к технологии ОДИ.

В 1994 году, после проведения группой Л.М.Карнозовой двух первых игр, Отдел судебной реформы ГПУ заказывает В.М.Розину, казалось бы, очень далекую от проблематики судебной реформы работу - исследование истории формирования юридического мышления. Термин "юридическое мышление" не должен вводить нас в заблуждение. И В.М.Розин, и Л.М.Карнозова - выходцы из Московского методологического кружка, которые *понимают мышление отнюдь не как субъективную способность человека к "думанию", поэтому, с их точки зрения, и изменяется мышление отнюдь не по чьему-либо произвольному желанию.* Этот момент настолько важен, что автор пытается снять возможные недоразумения уже в эпиграфе, где приводится мнение крупнейшего специалиста в сравнительном правоведении Рене Давида: "Изменить или отменить какую-либо норму действующего права во власти законодателя. Однако он почти не властен изменить язык и основы юридического мышления". Иначе говоря, *мышление хотя и осуществляется людьми, но имеет весьма объективный характер, и масштаб времени, в котором можно говорить об изменении мышления - это исторический масштаб смены культур.*

Обосновывая значение «интеллектуального фактора» реформ, В.М.Розин проводит свой анализ реформ, противопоставляя два подхода к реформам: как к организационным решениям и как к модернизации: "В первом случае эффект социального действия незначителен, поскольку *не затрагиваются основные глубинные структуры и процессы системы, на которую оказывается воздействие* (к таким глубинным структурам и процессам относятся структуры и процессы мышления - В.М. и А.М.). Во втором есть надежда на реальный эффект..." (с.23). Завершая анализ второго варианта, В.М.Розин цитирует А.С.Ахиезера: "...Реформа должна мыслиться как продолжение некоторой логики истории... Но одновременно реформа должна быть определенным сдвигом в этой логике... В конечном итоге успех реформы зависит от возможности общества углубить массовый менталитет, лежащий в основе системы ценностей... Это означает, что *реформа должна опираться на опережающее развитие культуры*" (с.32, здесь и везде далее курсив наш - В.М. и А.М.).

Казалось бы, с точки зрения практика позиция автора неконструктивна. Так, полемизируя во время круглого стола на игре в апреле 1993 г. с В.С.Нерсисянцем, он сказал: "Проблема права более сложная, она не связана только с формальным равенством. На решение вопроса о праве влияет то, как мы понимаем развитие культуры, цивилизации, какие пути мы выбираем, как мы понимаем вопрос о человеке, с какими другими ценностями имеем дело - этническими, национальными, какое общество собираемся строить. Сегодня на эти вопросы мы не имеем ответа, с которым бы согласилось общество, разные социальные группы. И потому в каком-то смысле мы не можем обсуждать проблемы права"[\[28\]](#).

Последовал вопрос: "Мы согласны с тем, что имеется неопределенность по целому ряду вопросов, а без этого двигать реформы нельзя или очень трудно... можем ли мы что-нибудь делать сейчас или лучше подождать, пока все не определится?" Ответ В.М.Розина можно воспринять как "неконструктивный", но его можно понять и как *задание самому себе*, которое он с блеском выполняет вот уже семь лет: "Конечно, каждый должен делать прорывы на своем месте. Но я обращаю внимание на то, что сейчас произошло резкое отставание формы сознания. Основной состав людей, делающих реформу, имеет неадекватное понимание ситуации, происходящих процессов. В результате этого разрыва отсутствует интеллектуальное обеспечение реформы... И как можно обсуждать все это по частям? Обсуждение права не связано ни с глобальной проблематикой, ни с человековедением... Нам нужно заботиться об адекватной форме самосознания и проработке интеллектуальных процессов"[\[29\]](#).

Окончив заказанную ГПУ работу об истории формирования юридического мышления, где по сути был нащупан подход к проблеме и обозначены основные вехи (кто же может осуществить полноформатное исследование в административно обозначенные жесткие сроки?), В.М.Розин читает лекции в ряде юридических вузов, посвященные юридическому мышлению и юридической психологии, - в том числе и в Высшей школе права «Адилет». В 1996 г. в Тольятти выходит "Юридическое мышление в исторической и современной перспективе"[\[30\]](#), где положения о генезисе и исторической трансформации юридического мышления связываются с анализом российских реформ. В 1997 г. в Москве появляется из печати небольшое учебное пособие "Психология для юристов"[\[31\]](#), где анализируются некоторые особенности следственной деятельности, связанные с преодолением защитных механизмов подозреваемых (в данной книге они рассматриваются в главе 6). Кроме того, здесь впервые появляется "Учение о психических реальностях" (в данной книге - приложение 1), выступающее методологической основой анализа преступного поведения и преступной личности (в данной книге - глава 8; кроме того, учение о психических реальностях используется здесь автором и для представления мышления как "событийно-символической реальности").

5

Таков в общих чертах объем наработок, с которыми автор подходит к написанию своей новой книги о юридическом мышлении. Но, прежде чем оценить по достоинству философско-методологические построения автора, попробуем ответить на простые "детские" вопросы: что дает изучение мышления юристу, каково место этого изучения в системе юридических дисциплин и, наконец, вообще, в чем смысл изучения мышления как такового. Начнем мы с последнего вопроса и предоставим слово В.М.Розину:

«Мышление является традиционной темой философии, начиная с работ Аристотеля, и, пожалуй, основной исследовательской темой современной методологии. Многие замечательные философы нашей цивилизации высказывали убеждение, что *познание того, как мы мыслим, более общее мышления, залог успешного разрешения проблем и задач, стоящих перед человечеством*. Но чаще к изучению мышления они обращались в связи с затруднениями, возникавшими в самом мышлении. Не стоит специально объяснять, что *эффективное мышление является необходимым условием любой деятельности человека, любой практики*» (с.58).

Итак, чтобы эффективно действовать, нужно эффективно мыслить. А мыслить эффективно - значит не испытывать затруднений «в самом мышлении». Но что значит повышать эффективность мышления? Ведь это не техническое устройство, которое можно охарактеризовать через КПД, и не коммерческое предприятие, для оценки которого существуют экономические критерии.

«Поскольку я вышел из... Московского методологического кружка..., для меня мышление выступает как одна из высоких ценностей. Поэтому вполне естественно мое стремление к изучению мышления. Но помимо чисто познавательного отношения мною движет и практический интерес. Как методолог я хочу *способствовать повышению культуры мышления*. Не меньшее значение имеют и *проблемы по поводу мышления, которые необходимо разрешить*» (с.59).

С точки зрения «кондового» практика, интерес автора никакой не практический, а самый что ни на есть философский: ведь его цели сосредоточены на самом мышлении. Впрочем, разрешение проблем «по поводу мышления» еще можно представить в связи с конкретными практическими ситуациями, которые не удастся «сдвинуть», например, из-за

противоречий в мышлении – примером может служить работа Аристотеля «О софистических опровержениях» и вообще успешное решение им задачи упорядочивания античного мышления. Что же касается «непрактичности» цели «повышения культуры мышления», вспомним признание практика С.А.Пашина о том, что, по его мнению, являлось основным тормозом реформ. И учтем данную В.М.Розиним оценку реформ как культурного сдвига. Остается проследить, как же он намеревается исследовать юридическое мышление и какие результаты это дает в плане его эффективности в вышеописанном понимании.

«Хочу обратить внимание, что речь идет, хотя и о философском (точнее философско-методологическом), но все же исследовании мышления. Тем самым, я хочу противопоставить данную работу другим, где те или иные явления философ объясняет, осмысляет, но не исследует. При этом часто он говорит об изучении или исследовании, не отдавая себе отчета в смысле сказанного. В отличие от классической философской работы, предполагающей трансцендирование, осмысление материала, построение философской системы (смотри ряд от Платона и Аристотеля вплоть до Гегеля), философско-методологическое исследование представляет собой особый вариант изучения объекта (в данном случае мышления), опирающийся на эмпирический материал и гипотезы о природе этого объекта. То есть основная задача - не построение философской системы и осмысление действительности, где бы мышление находило себе место (кстати, как и многое другое), а получение знаний, понятий, схем, на основе которых можно было бы объяснить интересующие исследователя проблемы мышления, а также *построить определенный тип социального действия* (например, создать рекомендации для повышения культуры мышления или его формирования в школе). Но в отличие от обычного исследования, например, естественнонаучного, философско-методологическое поставляет материал для построения философской системы или разворачивания средств методологии. Кроме того, это исследование характеризуется более высокой степенью рефлексии, а по типу приближается к гуманитарному научному познанию» (с.71-72).

Итак, автор не только противопоставляется целям спекулятивной философии, намереваясь строить знания, понятия, схемы и т.д. для разрешения проблем мышления, но и говорит о социальном действии. То есть речь все же идет о практике, в частности, образовательной (автор говорит о повышении культуры мышления в школе). Впрочем, В.М.Розин сразу же оговаривает, что речь идет о работе, близкой по типу к гуманитарному научному познанию. Но гуманитарное знание традиционно воспринималось как чисто описательное. О каком же социальном действии тогда идет речь?

«Сегодня все говорит за то, чтобы сделать очередной шаг, перейдя к другой парадигме познания мышления... Гуманитарный подход (парадигма) задает иное, чем естественнонаучное, понимание назначения знания и теории. *Гуманитарное знание (теория) используется не для описания объекта (в данном случае мышления) как элемента технического действия, а для других целей.* В частности, в данном случае двух. *Первая цель - конституирование реальности как условия понимания и общения.* Мышление для меня - не только объект изучения (и уж точно не объект технического действия), а реальность особого рода, позволяющая мне рассказать, как я понимаю мышление, и выслушать других (Платона, Аристотеля, своих современников) по поводу их представлений о мышлении...

Означает ли сказанное - невозможность согласованных действий и влияния на мышление? Естественно, нет. Но в данном случае предварительным условием этих действий и влияния является гуманитарное понимание и общение (диалог). Мои наблюдения и

размышления показывают (здесь я перехожу к характеристике *второй цели использования гуманитарного знания*), что *сегодня для методолога важны и актуальны три основные плана влияния на мышление*. Традиционно он отвечает за интеллектуальную (мыслительную) культуру, а также обеспечение предметно-дисциплинарного мышления в аспекте его развития (анализ проблем и затруднений и поиски путей их разрешения). Не менее важно влияние методолога на всех участников современной мыслительной коммуникации (она по сути только складывается) в плане ее обустройства, например, формулирования правил "мыслительной игры", принципов общения участников мыслительного процесса, способов разрешения конфликтов и т. п. Наконец, методолог может способствовать современным живым тенденциям развития мышления, работая в областях гуманитарного научного познания, решения глобальных планетарных проблем, социально-политического исследования и программирования» (с.72-74).

Конечно, на первый взгляд это совсем не тот ответ, который ожидает услышать наш воображаемый «практик». Но, в оправдание В.М.Розина заметим, что примерно то же самое, что он говорит о целях *методологического исследования мышления*, можно было бы сказать и о целях *правоведения – исследования права* – если, конечно, признать его преимущественно гуманитарный характер. Разве мы будем спорить с тем, что «важно влияние *правоведа* на всех участников современной *правовой* коммуникации... в плане ее обустройства, например, формулирования правил "*правовой* игры" (судопроизводства, законотворчества?), принципов общения участников *правового* процесса, способов разрешения конфликтов и т. п. Наконец, *правовед* может способствовать современным живым тенденциям развития *права*...»

А теперь представим на минуту, что «правовая игра» – это, в значительной степени, «игра юридического мышления»^[32]. И что «живые тенденции развития права» тоже, как нам намекали С.А.Пашин и еще раньше С.В.Попов, во-многом определяются тенденциями развития юридического мышления. Безусловно, право существует не только в мышлении – но после психологической школы права и обстоятельных исследований правосознания мало кто, кроме самых закоренелых позитивистов, возьмется утверждать, что характер представленности права в сознании и мышлении несущественен для его функционирования и развития.

6

Большая ценность книги В.М.Розина - не только в авторском анализе юридического мышления и судебной реформы, но и в прояснении места юридического мышления как *конститутивной* составляющей права в целом. Наиболее основательно эта конститутивная роль юридического мышления рассмотрена автором на материале становления римского права. Читатель сам может сравнить выделенные им предпосылки формирования античного мышления и римского права.

Античное мышление направлено на получение знаний о действительности – но, в отличие от «обычных» знаний, которые приобретаются путем многократного практического подтверждения, мышление предполагает *получение одних знаний на основе других путем особой деятельности – рассуждений*. Изобретение рассуждений было, согласно В.М.Розину, обусловлено двумя предпосылками: *формированием античной личности*, обладающей индивидуальным сознанием в современном смысле слова, и связанным с этим *появлением социальной коммуникации, допускающей разрыв частного и общественного мнения*.

Возникновение права обусловлено по сути теми же предпосылками: человек с индивидуальным сознанием необходим как будущий носитель прав, а без рассуждений и социальной коммуникации с разрывами мнений невозможно появление судопроизводства, где бы решение вопроса о санкциях опосредовалось заслушиванием сторон и свидетелей и изучением обстоятельств дела. Из несвязанных с мышлением предпосылок автор называет только *появление первых правовых норм* (древних законов Вавилона, правовых норм Моисея и т.д.) – но этому находится вполне естественное объяснение:

«В теории деятельности природу первых законов можно понять следующим образом. В древнем мире сложились большие государства, функционирование которых предполагало жесткую структуру ролей, начиная от Богов и царей, кончая последним рабом, а также четкую систему управления. Законы представляли собой гениальное изобретение "чиновников" (жрецов и писцов) таких государств. Они позволяли сначала локализовать возникающие в деятельности государства "разрывы" (непредусмотренное поведение, конфликты и т. д.), затем восстановить нарушенные разрывами связи» (с.116).

Поэтому автор вполне законно полагает, что в силу общности предпосылок генезиса мышления и права «характеристики научного мышления... могут быть спроецированы и на юридическое мышление» (с.112). Это определяет авторскую стратегию анализа юридического мышления и предопределяет гипотезу: «Юридическое мышление в античности - это аристотелевское мышление, в центр которого становится такое "начало" как право» (с.130).

В то же время В.М.Розин убедительно показывает, почему, хотя античное научное мышление вполне сложилось уже в Древней Греции, «такое "начало" как право» (а, стало быть, и юридическое мышление) возникло лишь в Римской империи.

Основная идея, с помощью которой Аристотель упорядочил рассуждения и сформировал античное научное мышление, состояла в подчинении рассуждений правилам, что подразумевало указание на процедуру рассуждения, определение условий ее применения и контроль за соблюдением процедуры и условий. В социальном плане такое подчинение предполагало социальную приемлемость и понятность правил, а также согласование полученных знаний с «обычными»^[33].

Правовое начало связывалось в античности прежде всего со справедливым решением в суде. Применительно к юридическому мышлению вопрос состоял в том, как судья, рассуждая по правилам, может получить справедливое решение, согласующееся с «обычными» знаниями о справедливости – то есть тогдашними законами и представлениями обычного права. «Собственно уже Аристотель бился над тем, *как измерить и гарантировать справедливость...* но он... пытался решить эти проблемы в этической плоскости. *Идея римского права перемещает акценты: с этических поисков в плоскость управления и организации (справедливость - прерогатива власти)*, от тонких, но достаточно неопределенных рассуждений в области этики к более грубым, но точно измеренным и гарантированным действиям властных субъектов и подчиненных им судов» (с.125).

Но если имеет место отказ от рассуждений по правилам (в данном случае – от этических рассуждений), то чем же гарантируется справедливость действий судьи, который теперь следует предписаниям власти – то есть фактически из «беспристрастного третьего» сам превращается в субъекта власти? Что в таком случае предохранит нас от произвола?

«Может быть высказана следующая гипотеза: *формулы и отдельные процессы - это своеобразные административные способы разрешения тех конфликтных ситуаций, которые возникали в судах.* Встав над судом, администратор (претор в римском обществе, канцлер позднее в Англии) действовал привычным для себя образом. Во-первых, он старался организовать процесс судопроизводства, то есть установить правила, регламентирующие поведение всех участников судопроизводства в каждом отдельном с точки зрения администратора случае. Во-вторых, претор стремился продемонстрировать справедливость, опять же в административном смысле, то есть определить одинаковые условия, для определенных групп населения и для сходных ситуаций» (с.126).

Тем самым автор обосновывает следующий тезис: *«Именно в Риме складывается Идея Права: под ней понимается гарантированная для человека властью и законом справедливость»* (с.125). То, что из этого тезиса следует для юридического мышления, читатель может узнать из книги. Нам же гораздо интереснее отметить другое: что *при таком понимании генезиса самого права всю его дальнейшую историю можно истолковать как взаимодействие и борьбу двух конститутивных факторов: власти и юридического мышления.* Попытки редукции любого из них, неоднократно предпринимавшиеся в истории, себя не оправдали. Так, признано позитивистской крайностью стремление считать право исключительно продуктом властной (государственной) воли, сведя роль юридического мышления к чисто технической [34]. В то же время, как показали работы Канта, и фактор властной воли не удастся подчинить никакому рациональному детерминанту. Сам Кант, опираясь на различие природы и свободы, вывел право за пределы чистого разума, но признал *первой дисциплиной разума практического*, который, в свою очередь, должен быть подчинен категорическому императиву. Однако и эта – вторая после Аристотеля – фундаментальная попытка заместить юридический дискурс этическим не имела успеха, хотя и оказала огромное влияние на политико-правовую мысль.

Впрочем, тезис о праве как дисциплине практического разума можно истолковать и более позитивно. Стремясь практически отвечать социальным потребностям, власть постепенно выработала *механизмы институционального самоограничения*, принципиальные формы осознания которых приобрели именно юридический характер. Власть также стремится обосновывать свою легитимность, предъявляя себя подданным именно в юридических понятиях, которые, помимо имманентных факторов эволюции, приобретают также фактор властно-политический.

Описанный момент развития права был осознан исторической школой, что В.М.Розин констатирует в форме поучительной истории о неудаче дедуктивных методов построения и реконструкции норм права, по форме напоминающих методы построения научных теорий (с.137-142). Но к XX веку *растаяла надежда не только подчинить построение права дедуктивной научной теории, но и вообще подчинить его принципам разума – теоретического или практического.* Существенными становятся мультикультурализм и ускоряющиеся общественные изменения. Возникает «неклассическая ситуация» как в философии, так и в правоведении – и *говорить о каком-либо едином для всех разуме становится вообще невозможно.*

«Кант понимал разум как одно целое, как высшую инстанцию по отношению к мышлению, сегодня же идея единого совершенного разума проблематична или вообще может вызвать только усмешку», - так квалифицирует ситуацию автор (с.60). Казалось бы, речь идет о далекой от юридической практики сфере метафизики. Но ведь *именно то, что*

разум «законодательствует» (то есть устанавливает всеобщие правила), Кант считал условием возможности действия нормативной силы права: юридическое мышление (Кант сказал бы «рассудок») устанавливает правовые нормы (всеобщие правила поведения). Применение нормы - подведение под нее конкретного случая - есть дело другой (но тоже «разумной») инстанции - способности суждения.

Получается, что функционирование сферы права в целом не рассудочно, но все же (в идеале) разумно. С позиций современной ситуации Кант предельно «юридичен». Понимая ошибку великого Аристотеля и значение для Идеи Права властной воли, мы все же ждем от власти *разумных* действий. Отмечая противоречивость системы правовых норм (автор пишет, что в современной России сосуществуют семь (!) законодательных источников, не согласованных друг с другом - с.14), мы надеемся на разум законодателей. Видя правовой беспредел на улицах и телеэкранах, мы рассчитываем на разум исполнительной и судебной власти. Иначе говоря, *отсутствие правопорядка мы по-прежнему считаем в значительной степени следствием «сбоев», рассогласований юридического мышления.* Несомненно читавший Канта булгаковский профессор Преображенский по этому поводу заметил, что порядок нужно наводить прежде всего «в головах».

В юридическом мышлении отмеченное несовершенство разума проявляется как «неклассическая» ситуация в правоведении, которую, по мнению А.А.Матюхина, характеризуют следующие отличительные черты:

1. Множественность школ с собственными точками зрения на право и понятие права, использующих близкие понятия (такие, как «правовая норма», «правоотношение», «правосознание», «правовое поведение», «правоприменение», «правотворчество» и т.д.), но дающих им различное толкование, фокусируясь на каком-либо одном при признании значимости остальных;
2. Наличие «зерна истины» во взглядах каждой школы при частичном характере направления правопонимания, задаваемого каждой из них;
3. Потребность в интегративной концептуализации права.

Весьма немаловажно то, что в методологическом плане подобная ситуация не только не нова, но, напротив, весьма типична. Например, весьма похожие черты выделял в двадцатые годы Л.С.Выготский, осмыслявший состояние современной ему психологии. Уже название его работы - «Исторический смысл психологического кризиса» - говорит о том, что состояние психологии характеризовалось Выготским как «кризис», но *этот кризис - не досадное недоразумение, а принципиальная ситуация, имеющая «исторический смысл».* Выготскому удалось найти выход в построении «культурно-исторической теории», имевшей методологическое значение интегративного подхода к изучению высших психических функций, а затем - и целого ряда других явлений. В частности, была построена интегративная точка зрения на комплексную проблему связи мышления и речи, соединившая позиции теорий, опиравшихся на различные исходные основания: логико-философские, лингвистические, собственно психологические и т.д.

Представители Московского методологического кружка, которые в своем изучении «языкового мышления» во-многом отталкивались от работ Выготского, в 60-е годы попытались *придать предложенному им методологическому ходу статус общего принципа поведения в подобных «кризисных» ситуациях.* Яркий пример - разработанный Г.П.Щедровицким и В.Н.Садовским подход к построению предмета семиотики (теории знаков): предлагалось содержащие зерно истины, но частные точки зрения на знак

(логическую, психологическую и лингвистическую) рассматривать как «проекции» (или «срезы»), снятые как бы при различных поворотах единого «объемного» объекта, который, в свою очередь, должен быть «воссоздан» по своим проекциям (для наглядности приводилась аналогия с черчением)[\[35\]](#). Восстановленный комплексный объект назывался структурной моделью, или *моделью-конфигуратором*, а метод построения подобных моделей - *конфигурированием*, или *синтезом знаний*[\[36\]](#).

Однако в методе конфигурирования, как и в методологическом ходе, предложенном Выготским, просматривается «естественнонаучная» установка на получение «монистической» теории: в структуре синтетического научного предмета конфигуратор обладает *онтологической функцией*, то есть является эпистемологической единицей, онтологически обосновывающей и объясняющей существующие знания об объекте[\[37\]](#). Только при таком условии *процедуры абстракции* (получение частных знаний - «проекций» единого объекта) и *процедуры синтеза* (восстановления конфигулятора по частным знаниям) образуют «единый познавательный механизм»[\[38\]](#).

Единство оперативной системы перехода от одних знаний к другим через модель-конфигуратор, как и единство всего познавательного механизма в конечном обосновывается все тем же «последним основанием всякой методологии» - *общей теорией деятельности, представляющей мышление как деятельность*. Только на этом основании процедуры перехода от одних знаний к другим не просто состыковываются в оперативную систему, но образуют действительно *познавательный механизм* - систему мышления, а не просто «семиотическое производство».

Но именно это - сведение всего к одному началу (Деятельности) - и не устраивает В.М.Розина, заставляет его искать собственный метод. И здесь куда более близкой, чем позиции Л.С.Выготского и собственного учителя - Г.П.Щедровицкого - для него оказывается точка зрения М.М.Бахтина. *Разные школы и концепции для него связаны не эпистемологически* (как знания через модель-конфигуратор), *и не через мышление-как-деятельность* (по построению единой оперативной системы синтетического научного предмета) - хотя и то, и другое иногда имеет место, - *а прежде всего через коммуникацию, диалог*. Подобную установку автор, для которого важно сохранение человеческой составляющей знания, концепции, школы, научного предмета, называет *гуманитарной* - в отличие от естественнонаучной в широком смысле слова - как связанной с требованиями элиминации субъекта и построения объективного знания.

По мнению В.М.Розина, одним из ориентиров построения новой парадигмы познания мышления «будет служить антиномия - мышление предполагает действие личности, является реализацией личности и одновременно оно деиндивидуально, использует мыслящую личность как свой субстрат; в этом втором понимании мышление выступает скорее как семиотический процесс и деятельность» (с.73-74). Уходя от единой онтологии Деятельности, автор включает в число факторов, существенно влияющих на характер мышления, не только *чисто деятельностьнные* (рассуждения и их нормирование), но также *культурно-деятельностные* (семиозис), *социокультурные* (социальные потребности, коммуникация и институты) и *чисто культурные* («культурная проблема»). Кроме того, существенными факторами являются *индивидуальное сознание и институт личности*. Личность, по мнению В.М.Розина, «хотя и выходит из культуры и живет в ней, но часто действует в ее (деятельности - В.М. и А.М.) контексте независимо от культуры» (с.80).

И здесь крайне уместна оказывается авторская теория психологических реальностей, позволяющая ему сформулировать *методологическую схему анализа мышления как «событийно-символической реальности»*, в которой могут *встречаться и общаться* разные дискурсы и ставиться проблемы по поводу мышления (с.55-57). Заложенный в представление о мышлении как событийно-символической реальности *принцип коммуникативности* (встреча и общение дискурсов) позволяет соединить идеи культурно-исторического подхода с представлением о мышлении как личностном феномене. Цитируя последователя Бахтина В.С.Библера, автор признает, что «современное мышление строится по схематизму культуры, когда "высшие" достижения человеческого мышления, сознания, бытия вступают в диалогическое общение с предыдущими формами культуры (Античности, Средних веков, Нового времени). Аналогичное положение извечно угадывалось в сфере искусства, той формы культуры, что всегда *строится не в процедуре "снятия", но в ситуации встречи* (и трагического сопряжения) уникальных и неповторимых *личностных феноменов*» (с.84).

Следует особо остановиться на понятии дискурса, которое автор не просто заимствует у М.Фуко, но проводит специальную реконструкцию для включения в собственный метод. Согласно В.М.Розину, дискурс у Фуко «первоначально понимался просто как *высказывающая речь о вещах и мире...* Затем вполне в духе требований кантианского разума Фуко переходит к *анализу тех условий, которые обуславливали существование (жизнь) языка и вещей*. Исследования Фуко показывают, что это, *во-первых, правила*, нормирующие высказывающую речь, *во-вторых, практики*, в которых вещи и правила складываются и функционируют...

Следующий в логическом отношении шаг Фуко - *переход в поисках детерминант и условий* (теперь уже относительно правил и практик) *к анализу властных отношений...* Параллельно на всех трех этапах мыслительного движения шла критика традиционных представлений. В связи с этим, например, понятие дискурса у Фуко имеет два разных смысла: *"публичный" дискурс*, декларируемый общественным сознанием, обсуждаемый в научной и философской литературе, и *"скрытый дискурс"*, который исследователь (в данном случае Фуко) выявляет, реконструирует в качестве истинного состояния дел. С одной стороны, Фуко постоянно описывает и подвергает острой критике публичные дискурсы, с другой - реконструирует и анализирует скрытые дискурсы...

Итак, метод Фуко - это движение от публичных дискурсов-знаний к скрытым (реконструируемым) дискурсам-практикам и от них обоих к таким социальным практикам, которые позволяют понять, как интересующее исследователя явление (например, секс или безумие) конституируется, существует, трансформируется, вступает в взаимоотношения с другими явлениями. И наоборот, это движения от соответствующих социальных практик к скрытым и публичным дискурсам. Понятием, схватывающим этот метод Фуко, правда в онтологической форме, является понятие "диспозитива"..." (с.40-41).

Подобный «археологический» метод последовательного «снятия слоев» для выхода к нормативным, а затем и к институционально-властным основаниям дискурсов выступает для автора образцом реализации гуманитарной установки. «Используя понятия диспозитива, дискурса, властных отношений и ряд других (одновременно конституируя их), - подчеркивает В.М.Розин, - Фуко предпринимает анализ целого ряда *феноменов* (безумия, сексуальности и т. п.), *выступающих одновременно как культурно-исторические и индивидуально-психические образования...*» (с.43).

Именно этот момент, на котором, возможно, и не акцентировал внимание сам Фуко, становится ключевым в авторской реконструкции, ибо помогает продвинуться в

разрешении антиномии «надындивидуального» и «индивидуально-личностного» мышления. «Вообще мышление для Фуко, - настаивает автор, - выступает в качестве той точки опоры, опираясь на которую человек может изменить себя, преобразовать, вывести за пределы социальной и исторической обусловленности. "Эта критическая установка, - пишет С.Табачникова, - которую Фуко называет еще "установка-предел", с очевидностью выходит за рамки чисто эпистемологической критики или аналитики власти, поскольку анализ форм знания и институциональных практик здесь является лишь условием возможности и инструментом критики форм субъективности и их трансформации... Если для Канта, напоминает Фуко в работе "Что такое Просвещение?", основной вопрос состоял в том, чтобы "знать, какие границы познание должно отказываться переступать", то для него самого вопрос этот трансформируется в вопрос о том, "какова - в том, что нам дано как всеобщее, необходимое, обязательное, - доля единичного, случайного и идущего от произвольных принуждений. Речь, стало быть, идет о том, чтобы критику, отправляемую в форме необходимого ограничения, трансформировать в практическую критику в форме возможного преодоления"..."» (с.47-48).

Понятие *диспозитива* выполняет у Фуко - и у В.М.Розина - *конфигурирующую функцию*, соединяя в один метод перечисленные выше аспекты реконструкции оснований дискурсов и работы с пределами. Согласно Фуко, диспозитив - это, прежде всего, *сеть*, установленная между элементами «радикально гетерогенного» ансамбля, включающего в себя «дискурсы, институты, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения, - стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное» (с.41).

Кроме того, в понятие диспозитива включается *«природа связи между этими гетерогенными элементами. Так, некий дискурс может представлять то в качестве программы некой институции (то есть публичного дискурса), то, напротив, в качестве элемента, позволяющего оправдать и прикрыть практику, которая сама по себе остается немой (эта практика реконструируется как скрытый дискурс), или же, наконец, он может функционировать как переосмысление этой практики, давать ей доступ в новое поле рациональности (мы бы сказали, что в данном случае речь идет об условиях, обеспечивающих трансформацию и развитие)»* (с.41-42). Данный аспект понятия диспозитива автор использует для *анализа практик власти* (представляемых как публичный и скрытый дискурсы), *лежащих в основании права и задающих рамки дискурсов юридического мышления*.

В-третьих, под диспозитивом понимается «некоторого рода... образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывалось: ответить на некоторую неотложность. Диспозитив имеет, стало быть, преимущественно стратегическую функцию» (с.42). Перетолковывая понятие диспозитива для методологической схемы анализа мышления, В.М.Розин получает очень интересную *перспективу рассмотрения юридического мышления* (представленного двумя дискурсами: нормативно-организационным и социально-юридическим) *и власти «в одном пространстве»*. Случись такое рассмотрение, мы бы получили новую и очень интересную интегративную концепцию правопонимания, представляющее позиции различных школ права как дискурсы, реконструирующее стоящие за ними практики и диспозитив власти.

Пока же мы имеем схему структуры юридического мышления (с.143), полученную на основе авторской «гуманитарной методологии». Остается надеяться, что исследования будут продолжены, и процитировать авторское видение их перспективы: «Нетрудно прогнозировать, что и в наше время переход в правоведении к современным

представлениям методологии науки и науковедения окажет существенное влияние на юридическое мышление. При этом, с нашей точки зрения, уже не удастся большинство норм юридического мышления имплицитно фиксировать в форме правовых норм или принципов, как это было до сих пор (например, в принципе допустимости доказательств); остальные нормы, как известно, существуют или в виде образцов юридического мышления, что не позволяет их четко осознавать и применять, или в виде теорий доказательственного права, сегодня совершенно устаревших. Очевидно, *имеет смысл создание специальной новой дисциплины, которую можно назвать "методологией юридического мышления"*. Ее назначение - изучение особенностей юридического мышления и помощь в создании его норм» (с.142).

Завершая предисловие, хотелось бы вернуться к теме, обсуждавшейся в его начале, и пожелать юридическому сообществу большей открытости и внимания к точкам зрения неюристов, отношения к ним не как к носителям инопредметного (а потому чуждого) знания, но как к коллегам и партнерам по междисциплинарной коммуникации. Смеем надеяться, что предлагаемая на суд читателя книга профессора Розина будет достойным поводом для такой коммуникации. Чтение этого основательного труда - дело не простое, требующее навыков реконструкции иных точек зрения и обращения к рефлексии собственной работы. Но есть все основания полагать, что потраченные усилия с лихвой окупятся продвижением в понимании сути дела и поспособствуют дальнейшему развитию юридического мышления.

[1] См.: *Щедровицкий Г.П.* Языковое мышление и его анализ / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.450.

[2] См.: *Щедровицкий Г.П. Котельников С.И.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.115-142.

[3] См.: *Попов С.В., Щедровицкий П.Г.* Конкурс руководителей. - М.: Прометей, 1989.

[4] Методология организации прикладных комплексных исследований и разработок в области права. - Ярославль, 1990. С.2. *Курсив* в цитатах везде наш - В.М. и А.М.

[5] О технологии экспертизы см.: *Попов С.В.* Метод экспертизы // Кентавр. №23 (2000 г.); об экспертизах в контексте методологии права см.: *Марача В.Г., Матюхин А.А.* Институционально-правовой аспект методологически организованных общественных экспертиз // Кентавр. №23 (2000 г.). Всего состоялось пять подобных мероприятий: социально-экологическая экспертиза на Байкале (1988 г.), экспертиза проблем регионального развития в Оренбургской обл. (1989 г.), экспертиза проблем социально-экономического развития г. Омск (1990 г.), экспертиза программ конверсии (приватизации) госсобственности в Латвии (июнь 1991 г.) и экспертиза энергетики Сибири (Омск, октябрь 1991 г.). Именно благодаря проводимым С.В.Поповым методологическим школам и экспертизам началось сотрудничество авторов данного предисловия, которое привело к осмыслению ими *идей институционализма* как в правоведческом, так и в методологическом аспекте. В частности, А.Матюхиным были за последние годы разработаны представления *либерального институционализма* как интегративного направления правопонимания, а В.Марача занимается развитием

институционального подхода в качестве междисциплинарной методологии, которая, объединяя представления правоведения, социологии, политологии, экономики и культурологии, могла бы служить общей методологической основой для решения комплексных социокультурных проблем.

[6] См.: *Щедровицкий Г.П.* О строении атрибутивного знания / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.590.

[7] См.: *Щедровицкий Г.П.* Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований. *Он же.* О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной логик / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.1-49.

[8] См.: *Щедровицкий Г.П.* Опыт логического анализа рассуждений («Аристарх Самосский») / Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С.57-202.

[9] См.: *Щедровицкий Г.П.* Проблема исторического развития мышления / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.496-514.

[10] См.: *Щедровицкий Г.П.* Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.199-202. В методологической литературе эти представления обычно относят ко Второй программе ММК, связанной с построением *теории деятельности и системно-деятельностного подхода*. Третья программа Кружка была связана уже с идеей *мыследеятельности* и разработкой *системомыследеятельностного (СМД) подхода*.

[11] Первой программой ММК традиционно называют исходный замысел Кружка, направленный на построение *содержательно-генетической логики*.

[12] *Розин В.М.* Изучение и конституирование мышления в рамках гуманитарной парадигмы (IV методологическая программа) // Вопросы методологии. 1997. №1-2.

[13] См., например: *Щедровицкий Г.П.* Система педагогических исследований (методологический анализ) / Педагогика и логика. - М.: Касталь, 1993. С.64-65. Этот тезис встречается и в ряде других работ Г.П.Щедровицкого.

[14] См.: *Розин В.М.* Семиотический анализ знаковых средств математики / Семиотика и восточные языки. М., 1967.

[15] См.: *Розин В.М.* Специфика и формирование естественных, технических и гуманитарных наук. Красноярск, 1989.

[16] См.: *Розин В.М.* Проблемы реальности, или как отличить святого от умалишенного // Кентавр. 1995. №1. С.48-55.

[17] Авторы этой статьи глубоко признательны Л.М.Карнозовой и С.А.Пашину за консультации и дружеское обсуждение фрагментов текста, связанных с событиями судебной реформы в России.

[18] Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. / Отв. ред. Л.М.Карнозова. - М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. С.7.

[19] Там же. С.9.

[20] Там же. С.8. Л.М.Карнозова в то время - зав. методологическим сектором отдела судебной реформы ГПУ, ныне – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН.

[21] Там же. С.8.

[22] Карнозова Л.М. К проекту исследовательской инфраструктуры судебных инноваций. – В сб.: Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. - М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. Вып.1. Части I, II. / Отв. ред. С.А. Пашин, Л.М. Карнозова. С.7-21.

[23] Там же. С.227-248.

[24] Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. Дискуссии о правовой журналистике. / Отв. ред. Л.М.Карнозова. - М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1996.

[25] На состоявшемся 7 октября 1998 года совместном заседании Сената и Мажилиса парламента Республики Казахстан принят Закон РК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан». В Конституцию Республики 1995 г. внесено 19 поправок. В частности, корректировке подверглась статья 75, пункт 2 которой дополнен нормой о том, что в случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство может осуществляться с участием присяжных заседателей. Вводится институт, которого судебная система Казахстана еще не знала. И, возможно, на казахстанской земле инновационный опыт российской судебно-правовой реформы найдет свое достойное применение и даже получит развитие. Следует отметить, что основа сотрудничества российских и казахстанских юристов в этом направлении уже заложена: еще в 1995 году международной рабочей группой под руководством С.А.Пашина был разработан Проект Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ. Проект, в разработке которого участвовали также казахстанские юристы, был принят Межпарламентской Ассамблеей СНГ 17 февраля 1996 года. Нормы, заложенные в этот документ, предусматривают и процесс с участием присяжных, и современные нормы допустимости доказательств, и ряд других инноваций.

[26] Следует отметить также роль Конституционного суда РФ, постановления которого по конкретным делам имеют нормативную силу. В качестве примера можно привести Постановление от 2 февраля 1999 г., п.5 которого устанавливает мораторий на вынесение смертных приговоров до введения в действие федерального закона, обеспечивающего каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом присяжных, как это предусмотрено частью 2 статьи 20 Конституции РФ. Подобные решения служат эталоном восстановления правового смысла тех ситуаций, оценка которых с позиций действующего законодательства неоднозначна, - и указывают направление дальнейшего движения по пути к верховенству права.

[27] Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования... С.6-7. Дальнейшая судьба С.А.Пашина отчасти подтвердила его вывод о состоянии профессионального мышления и менталитета в юридическом сообществе. Перейдя на работу в Московский городской суд, он попытался перенести культуру работы и требования к доказательствам, сложившиеся в процессах с участием присяжных

заседателей, на «обычный» уголовный процесс. Постепенно он становился «белой вороной» и вскоре был найден повод для лишения его судейских полномочий; ситуация, послужившая таким поводом, могла повлечь отмену приговора, вынесенного судьей Пашиным, но никак не лишение его полномочий. Это при том, что по российскому законодательству судьи несменяемы. Вопрос о служебном соответствии судьи, обвиняемого в совершении грубого нарушения, решается квалификационной коллегией - то есть *внутри судейского сообщества*. В свое время такая процедура отстранения судьи была заложена в Закон о статусе судей не без участия С.А.Пашина и казалась логичным продолжением принципа независимости судебной власти. Ее введение было попыткой решить извечный вопрос «а судьи кто?» применительно к самим судьям, и притом судьям несменяемым. Однако никто не предполагал, что судейское сообщество использует эту процедуру для борьбы с неугодными. В данном случае неугодным оказался реформатор и носитель нового юридического мышления. Правда, спустя несколько месяцев решением *Верховного Суда РФ* судья С.А.Пашин был восстановлен в должности, а решения Квалификационной коллегии федеральных судей г.Москвы и Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации были отменены «как незаконные и необоснованные». Защищал С.А.Пашина адвокат Г.М.Резник - убежденный сторонник судебной реформы и участник вышеупомянутых ОДИ. Так что не все столь безнадежно в юридическом цехе.

[28] Там же. С.276-277.

[29] Там же. С.278.

[30] Розин В.М. Юридическое мышление в исторической и современной перспективе. - Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1996.

[31] Розин В.М. Психология для юристов. Учебное пособие для высшей школы. - М.: Изд. Дом «Форум», 1997.

[32] С точки зрения методологических представлений о *коллективном мышлении* именно суд в целом - как *корпоративный институт* - а не кто-либо из отдельных участников процесса выступает носителем интеллектуальных функций мышления, понимания, рефлексии. Судебный процесс при этом выступает *формой разворачивания* коллективного юридического мышления, его «логикой, вынесенной вовне» - причем эта «логика» внешне больше напоминает *игру-состязание*. То же самое можно сказать и об интеллектуальных функциях в других *состязательных институтах*, в частности, в парламенте. См.: *Марача В.Г.* Правопонимание в состязательных институтах // Научные труды «Адилет». 2000. №1(7). С.116-122.

[33] Введенное В.М.Розиным представление об «обычных знаниях» (по аналогии с «обычным правом») - яркий пример того, как приложение к сфере права общенаучной методологии обогащает не только правоведение, но и саму эту методологию. Чрезвычайно интересна гипотеза автора о том, что «древний человек получал знания не в рассуждениях, а используя схемы» (с.88), указание на роль в обосновании таких знаний «семиотического производства» (с.87). Приложение этой идеи к вопросу о происхождении норм обычного права, несомненно, заслуживает подробного рассмотрения в отдельной работе.

[34] Именно таким - сведенным преимущественно к технической роли - был, по мнению С.В.Попова, характер юридического мышления советских юристов, привыкших

«обосновывать, толковать и исполнять указы, лежащие вне всякой идеи права». См.: Методология организации прикладных... С.2.

[35] См.: *Щедровицкий Г.П.* К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.515-524.

[36] Описание конфигурирования как общего метода синтеза знаний см. в: *Щедровицкий Г.П.* Синтез знаний: проблемы и методы / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.634-666.

[37] Там же. С.655.

[38] Там же. С.644.

Дата: 21:29 21.03.2005 | **Автор:** Марача В.Г., Матюхин А.А. Послесловие к книге: В.М. Розин. Юридическое мышление. - Алматы: Высшая школа права "Адилет", 2000. Журнальный вариант печатался в альманахе "Кентавр". №25 (2001).

[Наверх](#)